

ТАНЯ ТЕАТР СВОИ КОШМАРОВ

18+

КАЖДЫЙ ИЗ НАС МОНСТР, НО НЕ КАЖДОГО ЭТО ПУГАЕТ

Таня Свон
Театр кошмаров
Серия «Охотники за мирами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015194

Театр кошмаров: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174039-9

Аннотация

Чем ярче огни луна-парка на окраине Фирбси, тем чаще в городе загадочным образом умирают люди. Смерть никогда не оставляет следов, но ее тень неизменно тянется от парка, где в заброшенном театре встречи со своим солнцем ждет вековой мрак.

Четыре героя – четыре судьбы, с которыми он играет.

Популярный спортсмен Каспер, художник-изгой Дарен, молодая детектив Ронда и ее младшая сестра Этель, на лице которой запечатлена трагедия прошлого. Скоро их кошмары станут реальностью.

Книга в жанре философского хоррора от Тани Свон, автора дилогии «Вкус памяти».

Острая и захватывающая история о последствиях человеческой жестокости, о том, как выбор превращает нас в чудовищ, а любовь сотворяет чудо.

Героям предстоит погрузиться во тьму, чтобы найти настоящих себя и спасение. Найти в себе смелость, сострадание и решимость, когда мир трещит по швам.

Серьезная история, затрагивающая важные темы буллинга, домашнего насилия, неприятия себя, вписанная в мрачные декорации таинственного и пугающего луна-парка.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	80
Глава 7	102
Глава 8	115
Глава 9	135
Глава 10	145
Глава 11	166
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Таня Свон

Театр кошмаров

© Свон Т., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается каждому,
кто хоть однажды сгорал от ненависти к себе.
Ты не ошибка. Ты прекрасен.
Позволь себе это увидеть.*

Пролог

Ронда

Ронда никогда не была аккуратной, а беспорядок, что сейчас царил в ее мыслях, лишь усугублял свойственную девушке небрежность.

Стараясь моргать как можно реже, чтобы веки не слиплись от недосыпа, она устало смотрела на раскиданные по столешнице бумаги: вырванные из блокнота листы, смятые салфетки с коричневыми кругами от стаканчиков кофе и даже рекламные флаеры, случайно попавшие под руку в нужный момент. Записи на этих клочках сделаны разной пастой, но одинаковым кривым, угловатым почерком. И все они – вестники чьей-то смерти.

Тихий звук расстегивающейся молнии, шорох ткани легкой полицейской куртки, и вот на стол упала новая записка, выведенная все тем же дерганным, изломанным почерком.

– Это уже девятнадцатый случай за месяц, – Ронда угрюмо поджала покусанные губы.

Взгляд охровых глаз в сотый раз скользнул по разбросанным бумагам, ревностно цепляясь за каждую из них. Ронда снова и снова пересчитывала затасканные листы, не зная, чего боится больше. Того, что к старым записям, как сегодня, прибавится новый «некролог»? Или страшится потерять хотя

бы одну зацепку?

Хотя... Все записи одинаковы. В них разнятся лишь имена, возраст и пол, но суть всегда остается прежней: смерть без видимых причин и предпосылок на фоне полного здоровья, которое неизменно подтверждается вскрытием. Как и сегодня.

– Люди умирают, – будничным тоном отозвался собеседник Ронды и беспечно рухнул в кресло за массивным рабочим столом. От того, как резко парень это сделал, по комнате прошел легкий ветерок и чуть не скинул на пол драгоценные записки.

Ронда встревоженно хлопнула по столу, успев поймать несколько салфеток, которые чуть не упорхнули на пол. Пальцы дрожали от усталости, сердце билось где-то в горле. Причина в глупых бумажках или в том, что еще десять минут назад при ней вскрыли человека?

– Умирают, – кивнула Ронда и часто заморгала, прогоняя тошнотворный образ, сотканный из алых и белых нитей. Будучи стажером в полиции, она привыкла видеть смерть, но еще никогда не касалась ее омерзительной медицинской изнанки. – Но эти случаи...

– ...не должны тебя беспокоить, – закончил вместо Ронды парень. Натолкнувшись на недовольный взгляд, сверкающий медью, он удивленно вскинул темные брови: – Что? Я опять сказал что-то не так?

Голубые глаза, окруженные тенями недосыпа, словно ту-

чами, еще минуту назад походили на безжизненные стекляшки. Теперь же они испуганно округлились, а парень озадаченно взъерошил темные кудри на затылке.

Такой знакомый, привычный жест неожиданно показался глотком свежего воздуха, который разбавил спертую атмосферу городского морга. Ронда, позабыв, что прямо за стеной кабинета лежат окоченевшие, посеревшие от дыхания смерти тела, впервые за вечер улыбнулась:

– Все так, Ааррон. Не мое дело, – улыбка быстро потухла, как свеча под порывом злого ветра. – Но я не могу поверить, что это просто случайные смерти. Как бы все вокруг ни пытались убедить в этом меня и самих себя.

Договорив, Ронда неосознанно расправила плечи так, что теперь на синей куртке отчетливо виднелись все полицейские нашивки. Волосы цвета ржавчины, собранные в высокий тугой хвост, качнулись маятником и замерли ровно между лопаток, когда Ронда вытянулась в струнку. Она словно отчитывалась перед наставником. Только вот его здесь не было. Мистер Ханс, как и другие служители порядка, поставил крест на деле еще до того, как его успели открыть.

«У погибших нет ничего общего, что могло бы стать зацепкой, – голосом Ханса ворчливо проскрежетали воспоминания, – а их смерти не были насильственными. Это не наше дело, Ронда. Не лезь».

Но Ханс, как и все вокруг, ошибался. Кое-что общее у умерших «без причины» все же было.

– Со школы ты ничуть не изменилась, – голос Ааррона, разбавленный нотками ностальгии, походил на тягучий сладкий мед. – Все та же ответственная, строгая Ронда...

Она вымученно улыбнулась и принялась собирать все записи в стопку. Ааррон молча наблюдал за подругой, неуютно покачиваясь в кресле.

– Ты тоже не изменился за эти семь лет, – наконец выдавила Ронда. Она сделала это не потому, что хотела, а потому что Ааррон ждал.

– Все тот же красавчик?

– Скорее, чудик.

«Ведь только чудик добровольно согласится посвятить жизнь работе с мертвыми», – закончила она мысленно, а взгляд, выдавая желание поскорее сбежать из морга, скользнул к двери.

Из-за нее в крохотный кабинет сквозь мельчайшие щели просачивался тошнотворный запах. Смерть пахла так, будто в блендере смешали что-то сладкое, рыбу и кошачий корм. Мерзость, которая уже въелась в кожу, ткань и память. И если одежду можно постирать, а самому провести в душе не один час, оттирая с тела запах, то изнутри его ничем не вытравишь.

Но уходить еще рано.

– У меня к тебе есть просьба, Ааррон.

Молодой патологоанатом сложил пальцы под подбородком. В такой позе вкупе с белым медицинским халатом он

походил на безумного злодея.

– Ты называешь меня чудиком, а затем просишь... О чем?

– Передавать мне сведения обо всех, кто умрет так, как... они, – Ронда кивнула на кипу листочков, которую сжимала в руке, и помрачнела.

Если Ааррон откажет, она поймет. Старая дружба не обязывает парня выдавать рабочую информацию.

– Почему для тебя это так важно? – Его взгляд впился в бледное, без единой родинки или веснушки лицо. – Полиция отказалась вести дело. Улик нет, как и следов преступления. Внезапная смерть – проблема медиков, Ронда.

Горечь заполнила рот вместо слюны. Ну вот. И Ааррон туда же.

– Не хочешь помогать...

– Я не хочу позволить тебе шагнуть в болото, – поправил Ааррон с укоризной. – Это «дело» сожрет твои нервы и время. Нет ни единой точки, в которой хотя бы с натяжкой можно было бы свести нити.

– Вообще-то есть, – выпалила Ронда и тяжело сглотнула. Она почти физически ощутила, как от напряжения в комнате загустел воздух. – Я опросила близких погибших...

Ааррон устало провел по щетинистому подбородку рукой, на которой явственно выступали вены. Всего лишь жест, но в нем отчетливо звучал укор: «Тебе не разрешали их опрашивать. Ты пошла сама. Хочешь проблем?»

Но вслух Ааррон произнес другое:

– И что ты узнала?

– В курсе про луна-парк «Жерло» на окраине Фирбси? – вопросом на вопрос ответила Ронда.

Ааррон подозрительно сощурился и кивнул:

– При чем тут парк?

– Пока не знаю, но каждый из «беспричинно» погибших был там примерно за месяц до кончины. И что-то мне подсказывает – это не совпадение.

Глава 1

Этель

То, что она проспала киноночь, Этель поняла сразу же, едва открыла глаза. Простынь была усыпана карамельным попкорном, который хрустел при малейшем движении и колол открытую кожу бедер и рук. На однотонной белой стене виднелся бледный в свете солнечных лучей прямоугольник – застывший кадр титров, транслируемый проектором.

Этель потянулась, чтобы отключить аппаратуру, которая стояла в изголовье кровати. Палец ужалило от того, как нагрелся металл прибора. Девушка дернулась от неожиданности, а тишину разорвал глухой стук – на пол упала оранжевая пластмассовая тарелка, в которой раньше был попкорн. По крайней мере, Этель думала, что тарелка упала на пол...

– Прямо в лоб! Вот это меткость! – прохрипел откуда-то снизу сонный голос. – И тебе доброе утро, Этель!

Она чуть подалась вперед, чтобы увидеть смуглое, помнятое после внезапного пробуждения лицо друга, проспавшего на полу всю ночь. Глядя на парня, Этель виновато улыбнулась. Ее глаза – один ярко-зеленый, а другой белесый – мило сощурились. При этом грубая сеточка шрамов, вуалью покрывавшая левую часть лица, словно еще глубже въелась в оливковую кожу.

– Уже почти обед, Каспер, – сиплым спросонья голосом оповестила Этель и кивнула на маленькие часы. Они ютились на полочке по соседству с золотыми кубками, обвешанными медалями.

Каспер недовольно застонал и перекатился под кровать, прячась от солнечных лучей, что играли на его лице и путались в коротких каштановых волосах. Этель успела поймать друга за ворот футболки и потянула:

– Вставай, Каспер! Я без тебя на кухню не спущусь!

– Это еще почему? – Парень лениво разлепил один глаз, чтобы с удивлением снизу вверх посмотреть на Этель.

– Я не собираюсь играть шоу перед твоими родителями одна.

Каспер увернулся от Этель и все же перекатился под кровать, спрятавшись в ее тени и от солнца, и от пристающей подруги. Она всплеснула руками и спрыгнула на пол, чтобы продолжить сверлить укоризненным взглядом темноволосяй затылок.

– Каспер! – рассерженно позвала она. – Наше представление затянулось. На прошлых выходных твоя мама всерьез спрашивала, когда мы с тобой планируем съезжаться!

Очень медленно парень перевернулся на бок. Этель едва сдержалась, чтобы не юркнуть под кровать к нему. Тогда-то Каспер точно никуда не сбежит от разговора! Но пол был усыпан попкорном и чипсами, а под изножьем горкой валялись носки. И что-то подсказывало, они были далеко не пер-

вой свежести...

– Тебе не стоит стесняться моих родителей, – растирая сонные глаза, зевнул Каспер. – Ты им нравишься.

– Вот именно, – Этель щелкнула ногтем по зернышку попкорна, и оно метко угодило прямо в висок Каспера. Парень ойкнул и сморщился, а Этель продолжила: – Они уверены, что мы и правда встречаемся. Как долго еще планируешь разыгрывать это представление?

Каспер тяжело вздохнул, как вздыхал каждый раз, стоило Этель завести этот разговор. Она стиснула челюсти, уже догадываясь, что услышит в ответ, ведь он всегда звучал почти одинаково.

– Скажу. Скажу после соревнований в конце лета. Получу очередной кубок, чтобы задобрить родню, сойду с пьедестала...

– Мокрый после заплыва и не слишком одетый, – фыркнула Этель, уже представляя эту картину.

– Не суть. Главное, я получу кубок и отвоюю повышенную стипендию. Это станет важнее, чем новость о нашем с тобой «разрыве», – Каспер привычным жестом изобразил кавычки. – Короче, забей.

Этель выгнула рыжую бровь и неодобрительно покачала головой. Их с Каспером спектакль затянулся на целый год. Помогать другу, притворяясь парой, было несложно, но это мешало планам Этель. Вместо дополнительных занятий в университете и посещения научных кружков ей часто при-

ходилось подыгрывать Касперу на очередной тусовке. Сначала это было даже забавно, но со временем игра затянулась и наскучила.

Этель раздражало, что друг настолько хочет соответствовать ожиданиям, что готов заполнять пробелы в своей жизни обманом. И даже более того, он готов уламывать на ложь других.

Популярный спортсмен из хорошего универа? Круто, конечно, но недостаточно. У тебя вообще-то еще и девушка должна быть, забыл? Не можешь или не хочешь искать настоящую? Вспомни, у тебя вообще-то есть подруга! Попроси ее подыграть.

Похоже, именно так в своей голове рассуждал Каспер. Этель никогда не понимала, почему для друга так важно *казаться* идеальным. Почему он непременно и абсолютно во всем хочет соответствовать общепринятым нормам? К чему этот внешний лоск?

«Зарабатываю очки репутации. Она – ключ ко всем дверям», – всегда говорил Каспер. Поначалу Этель в ответ смеялась и кивала, потом – закатывала глаза. Сейчас же она четко ощущала в этих словах фальшь.

Для Этель, которая в свои девятнадцать даже не влюблялась никогда, отсутствие пары – не упущение. Но для Каспера одиночество – серьезный пробел в репутации. Почему-то...

– Ты – мое идеальное прикрытие, – поймав запястье

Этель, гордо, насколько это может сделать человек, лежащий под кроватью, сказал Каспер.

Раньше Этель хихикала над его пафосными, но смешными признаниями. Теперь же она устало качала головой.

– На этой неделе без меня, – Этель с отвращением соскребла с коленки крошки от чипсов. – Сможешь?

– Нет!!! – Каспер подскочил так резко, что ударился макушкой о дно кровати. – Я ведь говорил, что на этих выходных тусовка свиты. Там будет куча народу. Я уже предвкушаю эти вопросы: «Каспер! А где твоя великолепная, умопомрачительная и невероятно умная девушка? Где этот талантливый будущий доктор, который спасет мир от всех болезней?»

Этель шелкнула языком, но потом все же засмеялась. Лыстал Каспер непростительно неприкрыто, но это было забавно. Однако улыбки недостаточно, чтобы изменить принятое решение.

– В луна-парке нужны волонтеры-медики. Особенно в выходные. Я не могу пропустить смену, иначе мое место отдадут кому-то другому.

– Пф, – фыркнул Каспер, ползком выбираясь наружу. Этель пришлось отодвинуться, чтобы выпустить друга из подкроватной тьмы к солнечному свету. – Вот тебе заняться нечем... Лето, каникулы... Волонтерство.

Каспер скорчил рожицу, изображая приступ тошноты.

– Отдых. Не слышала о такой штуке?

– Кто бы говорил. Сам-то и на плавание гоняешь, и потом зависаешь в скейт-парке. Не мог выбрать что-то одно?

– Это другое. Это спорт! – голубые глаза Каспера засияли счастливым блеском.

Этель скрестила руки на груди, серьезно размышляя над тем, а не щелкнуть ли Каспера по лбу.

– Ты ведь знаешь, как это важно для меня, – просто-нала Этель. – За отработанные волонтерские часы можно «купить» дополнительные курсы. В симуляционном центре! Представляешь, как круто?!

Каспер задумчиво взъерошил короткие каштановые волосы, и из них, как снежинки на ветру, посыпались крошки, которые прилипли к нему, пока он ползал под кроватью.

– Представляю, – без энтузиазма отозвался друг. – Так и вижу, с каким задором ты откачиваешь манекены вместо того, чтобы оттягиваться со мной. Познакомилась бы с новыми ребятами из моего универа. Пообщалась. Выпила бы, в конце концов, чтобы расслабиться...

– Каспер!

Он все же получил подзатыльник, а Этель сморщилась – к ладони прилипли крошки, что остались на его волосах. Все-таки не стоило им тащить на кровать столько еды. Оба уснули и ночью опрокинули все тарелки. Теперь и попкорн, и чипсы, и соленые орешки усыпали пол мерзким хрустящим ковром. Хорошо хоть колу убрали на тумбочку...

Этель отхлебнула из стакана, недовольно скривилась и

отодвинула его подальше. За ночь напиток совсем выдохся. Как и терпение Этель.

– В общем, Каспер, торжественно заявляю: на лето наш контракт расторгнут. Мне нужно набрать как можно больше волонтерских часов.

Денег сестры Этель, на которые они жили вдвоем, едва хватало на то, чтобы оплатить счета и купить все необходимое. Речи о том, чтобы потратиться еще и на дополнительные курсы, и быть не могло. И раз есть шанс попасть на дополнительные занятия бесплатно, нужно хвататься за него и не отпускать!

Подумав об этом, Этель неосознанно коснулась шрамов на левой половине лица. Так случалось всякий раз, когда Этель хотела напомнить себе, для чего она старается.

Прикосновение к неровной, истерзанной старыми ранами коже всегда откликалось в душе ядом воспоминаний. Отрава, растекаясь по венам, ускоряла сердцебиение, становилось труднее дышать, а перед глазами мелькали картинки прошлого, словно вырванные из кошмарного сна.

Но шрамы, как и воспоминания, были настоящими. И это снова и снова приводило к мысли: если старания Этель однажды помогут спасти хоть кого-нибудь, она должна бороться за каждую крупницу знаний.

– Вечеринка будет ближе к вечеру. Может, все-таки успеешь после своей смены?

Вместо ответа Этель шумно вздохнула и одарила друга тя-

желым взглядом.

– Вот ведь не сидится тебе спокойно, – удрученно буркнул парень, а затем с тусклой улыбкой потрепал рыжую макушку подруги. – Ладно, я придумаю отмазку, почему пришел без тебя.

– Отмазку? Да всем плевать ведь.

– Моим родителям вряд ли. Да и друзьям... Наверняка подумают, что мы поссорились или типа того.

– Мне не нравится, что ты им врешь о нас, – Этель отвела взгляд к окну, чувствуя себя виноватой. Будто это она лгала родным, а не Каспер. – Я могу понять, почему ты хочешь врать о нас своим *друзьям*, – она намеренно выделила это слово едкой интонацией. – Но родители... Может, хотя бы дома стоит признаться, что это все постановка?

– В конце лета, говорю же, – отмахнулся Каспер. Он поднялся с пола и, не глядя на Этель, торопливо перевел тему: – Когда там тебе в луна-парк? Договориться по поводу места и все такое?..

– Через два часа нужно быть там. Я вчера взяла с собой ролики, так что до «Жерла» доберусь быстро.

Луна-парк на окраине Фирбси открыли в начале весны. К своему стыду, Этель еще ни разу не бывала в «Жерле», однако место, где раскинулся парк, она знала хорошо.

В школьные годы Этель вместе с одноклассниками частенько приходила к заброшенному театру, чтобы послушать жуткие истории. Потом ее друзья уходили гулять по пустын-

ным коридорам «Юстины», но сама Этель всегда оставалась за забором и наблюдала издалека. Раньше она была еще той трусихой.

Удивительно, но, несмотря на то что театр давно закрыт, здание хорошо сохранилось. В стенах нет трещин или разломов. Полы тоже целы. Даже стекла почти все на месте.

О том, что театр не работает и стал местом сборищ подростков и городских банд, говорили лишь граффити. Цветные рисунки покрывали стены снаружи и, по слухам, изнутри, словно переползая туда сквозь редкие выбитые окна.

Вокруг этого театра всего за одну ночь и развернулся луна-парк. Не было ни объявлений, ни рекламы. Просто однажды унылый пустырь вокруг потрепанного здания окрасился яркими цветными огоньками, а тишину вспорола музыка, льющаяся из трескучих колонок.

В интернете Этель видела ролики и фотки знакомых, которые уже успели побывать в «Жерле». Судя по ним, в луна-парке не только катались на аттракционах, но и изредка проводили любительские представления в «Юстине». Горожане пели и танцевали, школьники ставили сценки и рассказывали стихи собственного сочинения.

Звучит здорово, но выглядит пугающе. По крайней мере, так казалось Этель.

Облезлые стены зала, местами изодранные кулисы и скрипучие половицы внушали странное, гнетущее чувство. Такое Этель испытывала в детстве, когда соседская девчонка при-

носила свою жуткую одноглазую куклу с отломанной рукой: играть можно, но чувство того, что кукла мертва, не покидало ни на секунду.

Каспер ушел собираться в другую комнату, чтобы не смущать Этель. Она быстро переоделась в цветастый топ и джинсовые шорты, забрала волосы в пышный высокий хвост и уже хотела выходить в коридор, но остановилась напротив зеркала.

С хвостом очень удобно и совсем не жарко (а на улице сегодня как раз обещали плюс тридцать). Но такая прическа только подчеркивает уродливые шрамы. Да и слепой глаз спрятать за локонами не выйдет.

Этель поджала губы и потянулась, чтобы сдернуть резинку, стягивающую волосы, но замерла. Эти шрамы, как и прошлое, – часть нее, от которой не убежать. За водопадом волос отвратительные отметины не исчезнут, не растворятся вместе с ужасными воспоминаниями. Попытка скрыть старые раны – не что иное, как желание притвориться, будто не существует ни шрамов, ни событий, которые оставили их семь лет назад.

Нет. Этель не станет жить в иллюзии. Реальность омерзительна, как и бледные шрамы, неровными бороздами въевшиеся в кожу. Как и мутный слепой глаз, затянутый бельмом. Но прошлое не изменить. Оно – напоминание и наставление для Этель. Горький урок, который она вынесла раз и навсегда.

– Ты там скоро? – под дверью собственной комнаты простонал Каспер. – Я уже давно собрался. И прошел уровень мобильной игры. И полистал ленту. И...

– И приготовил нам завтрак? – подсказала Этель, в обнимку с рюкзаком возникнув на пороге.

– Нет. Не приготовил, – потер темноволосый затылок Каспер, а потом просиял довольной улыбкой: – Его для нас оставила мама. Родители, кстати, уже ушли.

Этель тяжело вздохнула и поплелась к лестнице, ведущей на кухню. Каспер вышагивал следом по залитому солнцем коридору, воодушевленно вещая:

– Между прочим, там не только завтрак. Нам с тобой собирали ланчи на весь день.

– Нам с тобой? – Нахмуренные брови Этель низко нависли над глазами. – Ты поедешь со мной в парк?

– Нет. Но буду неподалеку и тоже пропаду до вечера. Встречаюсь с друзьями, – длинноногий Каспер в один прыжок перескочил четыре ступеньки и, обогнав Этель, вошел на кухню.

Большой обеденный стол, накрытый светлой скатертью, был уставлен тарелками со свежими яблоками и клубникой. Там же ждала пара бумажных пакетов, заботливо подписанных мамой Каспера.

Один из таких пакетов парень пододвинул к себе, а второй – протянул Этель. На нем она прочла пожелание отличного дня и сдавленно улыбнулась, заметив подпись: «Для милой

Этель».

Она не сомневалась, что отношение родителей Каспера к ней не изменится после того, как друзья, сговорившиеся обманщики, раскроют карты. Но Этель все равно было не по себе от одной лишь мысли, что приходится водить за нос добрых, наивных людей.

Ни за завтраком, уплетая омлет с зеленью и беконом, ни после него Этель не стала вновь поднимать наболевшую тему. За столом она болтала с Каспером о какой-то ерунде, выслушала его жалобы на новичков в бассейне, которые постоянно оставляют в раздевалке погром, и сама посетовала на сестру. Ронда, конечно, не разносит дом, но беспорядок – ее стихия и боль Этель.

Когда друзья вышли на веранду, солнце палило так, что Этель казалось, будто ее кожа вот-вот покроется поджаристой корочкой. Но, несмотря на жгучий летний жар, по улицам, играясь в изумрудной листве, скользил прохладный ветерок. Этель с наслаждением подставила лицо его нежным касаниям. Хорошо, что она взяла с собой ролики. Не придется потеть в душном, тесном автобусе.

– Если захочешь сбежать со смены – звони, – Каспер шутливо подмигнул и вытащил из-под крыльца свой скейтборд.

Он уже встал на доску и оттолкнулся, когда Этель крикнула ему вслед:

– А ты звони, если соскучишься!

Заливистый смех Каспера прокатился по тихой улочке, на

которую выходили коттеджи, похожие на цветные кукольные домики.

– Намек понят! – крикнул Каспер, удаляясь все больше, и издалека его голос казался совсем тихим. Звук таял, точно мороженое под знойным солнцем.

Щурясь от улыбки и ярких лучей, Этель проводила друга взглядом. Затем, сидя на ступенях крыльца, завязала потуже ролики, закинула кеды в рюкзак и двинулась в сторону луна-парка.

Глава 2

Дарен

Дарен Йоркер уже третий час сидел у неработающего фонтана и нервно загибал края картонки, на которой крупными красными буквами значилось: «Дешевые портреты».

За сегодня к художнику подошло всего два человека, хотя обычно желающих удовлетворить самолюбие, получив изображение самих себя, было больше. Дарен привык, что к обеду он заканчивал не меньше пяти портретов, а потому затишье, какое настигло его сегодня, еще глубже вогнало в тоску.

Может, причина неудач крылась в том, какое место Дарен выбрал для рисования? Обычно он сидел с альбомом в тенистых скверах, иногда у торговых центров и музеев. Но сегодня Дарен пришел искать новых клиентов в луна-парке... и теперь с разочарованием смотрел на проходящих мимо людей, которые даже взглядом его не достаивали.

Никто будто не замечал поникшего светловолосого парня с веснушками, рассыпанными по острому носу и впалым щекам, как осколки Млечного Пути по небу. Все посетители парка как один любовались аттракционами, что разукрасили унылые окраины Фирбси искрами огней.

Самые большие толпы собирались у горок. Они привлекали зевак грохотом рельсов и криками смельчаков. Те, си-

дя в пестрых вагонетках, взмывали по накренным рельсам ввысь, проезжали на огромной скорости мертвые петли и камнем неслись с пика горки.

Зрители, которые сами не решались сесть в вагонетку, со смехом наблюдали за беднягами, надрывающими связки на аттракционе. Но лица сторонних наблюдателей омрачались всякий раз, когда любители экстрима сходили на платформу с широкими, счастливыми улыбками.

Эйфория, которую Дарену не понять. Какое веселье в риске и страхе?

Но помимо экстремальных горок и качелей, которые переворачивали тебя с ног на голову, были и другие аттракционы.

Огромное колесо обозрения с яркими, как цветные леденцы, кабинами высилось прямо в центре «Жерла». Неподалеку от обшарпанного, с ржавыми кранами фонтана, где скучал Дарен, в небосклон пиком впивалась цепочная карусель. Вращающаяся платформа поднималась выше заброшенного театра, но уступала колесу обозрения. Она крутилась не слишком быстро – так, чтобы можно было рассмотреть город, болтая ногами над пропастью в десятки метров.

Дарен не боялся высоты, но покупать билет ни на карусель, ни на колесо не хотел. Он был уверен, что вид, открывающийся с окраин Фирбси, достаточно унылый и не стоит того, чтобы тратить на него деньги. Тем более их у Дарена всегда было впритык.

– Клео, пойдем на горки посмотрим поближе? – тонкий голос ногтем скребнул память. Дарен узнал его и, сидя на бортике фонтана, ссутулился сильнее обычного.

Он невольно опустил табличку с объявлением буквами вниз и втянул голову в плечи. Выющаяся светлая челка упала на глаза. Взгляд уперся в тонкие руки, которые быстро стали дрожать.

Так случалось каждый раз, когда Дарен нервничал. Пальцы начинали подрагивать от малейшего переживания. Живя с этой проблемой с детства, Дарен научился принимать ее как должное и понял, как бороться с таким врагом: если успокоиться не получается, нужно чем-то занять руки.

Карие глаза метнулись к потрепанному рюкзаку, стоящему в ногах. Дарен точно знал, что его йо-йо спрятан в боковом кармане, но вместо того, чтобы достать игрушку, принялся рвать края картонки.

Это помогло унять дрожь, но не успокоило колотящееся сердце. Дарен не осмелился не то что обернуться, даже просто поднять взгляд оказалось для парня ужасным испытанием.

Он надеялся, что ошибся. Что голос в толпе, который Дарен слышал совсем рядом, не принадлежит Хильде Леттерн. Ведь если здесь Хильда, то вместе с ней и Клео. А где эти двое – там и остальная «золотая» компания, которой Дарену совершенно нельзя попасться на глаза.

– На горки посмотрим? – переспросила Клео. – Опять хо-

чешь снять на камеру свинячий визг?

– Ага. А еще эти рельсы всегда так жутко трещат! – с неуместной радостью воскликнула Хильда. – Не удивлюсь, если скоро какой-нибудь аттракцион рухнет прямо на посетителей. Здесь ведь все за одну ночь установили. И как людям не страшно кататься на этих развалюхах?

Голоса однокурсниц раздавались уже совсем рядом, и Дарен зажмурился, будто это могло сделать его невидимым. Но чем больше он старался сжаться в малюсенькую точку, тем сильнее от него разило страхом. А уж его девчонки из змеино-го клуба чуяли за версту.

– Йо? Ты чего тут сидишь? Побираешься? – под заливи-стый смех Хильды надежды Дарена остаться незамеченным обратились в хлам.

– Я рисую, – спокойно поправил он, подняв взор, однако посмотреть Хильде в глаза так и не решился. Вместо этого Дарен огляделся и облегченно вздохнул – сегодня ему повезло. Клео и Хильда гуляют без остальной свиты.

Повисла тяжелая пауза, которая не наполнилась тишиной лишь благодаря голосам прохожих и музыке, что разноси-лась по всему парку. Играла какая-то старая песня, годов пя-тидесятых. От нее Дарену было не по себе: трескучий, гряз-новатый звук бередил старые воспоминания, хотя в них зву-чала совсем иная песня.

– Рисуешь, значит, – Хильда накрутила на палец блонди-нистый локон и скучающе осмотрела Дарена со светловоло-

сой макушки до пят, обутых в старые кеды с лопнувшей подошвой.

Хильда презрительно сморщилась, будто глядела не на сорсника, а на дождевого червя, которого с радостью бы раздавила. Загорелая Клео толкнула подругу локотком и что-то прошептала той на ухо. На смуглом лице Клео сверкнула белозубая улыбка, острая как бритва. Девчонки, глядя на парня, залились смехом.

«Гиены», – подумал Дарен и поджал побледневшие губы. Над чем они смеются? Хорошо, если снова над поношенной одеждой или цветными нелепыми значками на рюкзаке. Но Дарена грызло нехорошее предчувствие...

– Тобиас Вальетти ищет тебя уже третий день, – голос Хильды, которая еще секунду назад смеялась, запрокинув голову к безупречно чистому лазурному небу, звучал пугающе холодно. – Почему ты не отвечаешь на его звонки?

– Я не видел, что он звонил, – без запинки солгал Дарен, но оказался легко раскрыт.

Хильда даже спорить не стала. Притворная снисходительная улыбка коснулась губ, покрытых розовым блеском.

– Ничего страшного, – прощепетала она.

Дарен знал, что Хильда тоже лжет.

Ничего не сказав на прощание, она взяла под локоть Клео, и обе подруги растворились в толпе. Однако Дарен не спешил расслабляться.

К несчастью, он хорошо знаком с Тобиасом и его свитой.

Поэтому Дарен не сомневался, что прямо сейчас Хильда печатает своим ребятам сообщение о том, что лоб в лоб столкнулась с потерявшимся «должником».

Дарен знал, что бегать от Тобиаса бесполезно. Рано или поздно его зажмут в угол и заставят заплатить по долгам. Но правда в том, что долгов у Дарена нет. Он честно выполнил свою работу. Не его вина, что Тобиас по собственной глупости не смог воспользоваться всем готовым и завалил экзаменационное собеседование.

Задерживаться в парке было больше нельзя. Дарен вскочил с бортика фонтана, у которого бестолково просидел не один час, и торопливо запихнул в тканевый рюкзак блокнот и карандаши. Они высыпались из коробки, но Дарену было плевать.

Если Тобиас поймает его, то сначала кулаками вышибет из Дарена дух. Затем выбьет деньги, которые заплатил за работу, а потом заставит делать новую, но уже бесплатно.

Дарен бежал по парку, огибая медлительных прохожих и стараясь не налететь на какого-нибудь ребенка. Ему приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться на разбитых дорожках – других возле заброшенного театра не было. Территорию перед приездом луна-парка никак не подготовили, а потому «Жерло» выглядело карикатурно: яркие аттракционы на фоне унылого ландшафта и здания, в котором самое то снимать фильмы ужасов.

Возле пестрых палаток с мороженым и молочными кок-

тейлями ожидаемо собралась гигантская толпа. Продраться через нее – целое испытание, но это самый короткий путь к небольшой парковке, на которой Дарен оставил свой старенький велосипед.

Проталкиваясь в плотной толпе, Дарен прикидывал, каким путем лучше уехать с окраин Фирбси. Потому совсем не следил за тем, что происходит вокруг. Он даже не услышал, как заплакал какой-то ребенок, упавший с качелей, и не заметил девушку, бегущую малышу на помощь.

– Ой! – послышалось одновременно с ударом, который пришелся Дарену в грудь.

Он сморщился, но больше от неожиданности, чем от боли.

– Прости, пожалуйста! – взмолилась девушка, но Дарен только отмахнулся:

– Все нормально, – буркнул он, не поднимая глаз.

Тогда эта девушка схватила его за запястье, заставляя взглянуть на себя.

Дарен вздрогнул. Сначала от внезапного прикосновения. Обычно люди не терпят нарушения личных границ и не пытаются проникнуть в чужие. А эта девчонка сама взяла его за руку, да еще и так требовательно... Чудачка.

Тогда Дарен перевел взгляд со своего запястья, пойманного в наручники чужих пальцев, на лицо девушки. На этот раз дрожь прокатилась по телу из-за того, что он увидел.

Паутина шрамов белыми нитями вдавилась в левую часть лица, жестким узором окружив жемчужину слепого глаза.

Девушка была бы невероятно красива, если бы не эти уродливые отметины...

Дарен даже не понял, что мысли отразились на его лице застывшей маской жалости. Он осознал, что невольно обидел незнакомку, лишь когда она с печальной улыбкой отпустила его руку.

– Все хорошо, – устало выдохнула она, а Дарен смутился. Кому она это говорит? Ему или самой себе?

Он глупо молчал и виновато топтался на месте, не зная, как загладить свою вину перед этой девушкой.

Вина. Опять вина... Он снова что-то натворил, сам того не понимая. Задел, обидел, оставил новый шрам или расковырял старую душевную рану.

– Не грузись, – сдавленно улыбнулась рыжеволосая. – Я просто хотела спросить, все ли нормально после нашего столкновения. А то у тебя... руки сильно дрожат.

И правда. Дарен даже не заметил этого, а теперь в смущении не знал, куда деть руки. Обычно он ходит, ссутулившись и засунув ладони в карманы куртки или толстовки, но в такую жару о них не может быть и речи.

– Это ничего, – выдавил он, пряча руки за спину.

– Ладно, – недоверчиво протянула девушка. Немного помолчав, она добавила: – Но если почувствуешь, что тебе нехорошо, – обращайся. Я сегодня на посту волонтера-медика, так что...

Договорить она не успела, потому что мальчик, упавший

с качелей, снова завыл. Дарен глянул в сторону детской площадки: ничего ужасного не случилось. Банальная царапина на коленке. Но малыш так надрывался в крике, что рисковал захлебнуться слезами.

– Не хворай, – волонтерша коротко кивнула Дарену, прощаясь, и сорвалась с места.

Он даже сказать ей ничего не успел, но и догонять девушку не стал. У нее свои заботы, у него свои.

Дарен снова повернулся в сторону ворот, но вдруг застыл. Ощущение, что кто-то пристально смотрит на него, прокатилось по коже нервной дрожью. Скребущее, тревожное чувство. Казалось, будто через позвонки продели леску и теперь дергали за нее.

Чтобы стряхнуть с себя оцепенение, Дарену потребовалось несколько секунд. Жуткое ощущение исчезло. Вместо него пришло понимание: это ведь парк, здесь полно людей. Мало ли кто может пялиться?

Дарен, ни на кого не оборачиваясь, бросился к парковке.

Глава 3

Каспер

– Угадайте, кто выполз из своей норы?

Тобиас крикнул это так громко, что Каспер слышал его, даже находясь в противоположном конце небольшого скейт-парка. Голос друга гремел затаенной злостью, и это не предвещало ничего хорошего. Очередные разборки, от участия в которых Каспер не может отказаться, ведь он – часть свиты.

В школе Каспер Элон был далек от того, чтобы хотя бы приблизиться к элите. По собственной ошибке со средних классов Каспер копошился где-то у низших ступеней социальной лестницы. Он как никто другой знал, что значит быть изгоем.

Каспер неизменно пытался пробиться наверх, восстановить репутацию и не допустить, чтобы правда, окунувшая его в грязь, доползла до родителей. До самого выпускного Каспер бился изо всех сил, отвоевывая право смотреть в глаза людей без стыда и сожалений, но отмыться от позора так и не смог.

Он твердо решил, что в университете начнет с чистого листа. Не допустит старых ошибок, не усложнит себе по глупости жизнь. Каспер собирался довольствоваться буднями обычного студента, но все оказалось даже лучше, чем он мог

себе представить. По крайней мере, так Каспер думал вначале, когда случайная встреча с Тобиасом Вальетти на скейт-площадке изменила его жизнь.

Тобиас, сын городского судьи, негласно возглавлял небольшую компанию самых успешных и амбициозных первокурсников. По большей части – за счет их родителей, но не без исключений. Все же яркая внешность и харизма были куда важнее.

Как в свиту затесался сам Каспер, он не понимал. Чистая случайность и везение? В конце концов, он всего-то научил Тобиаса паре легких прыжков на доске, а на следующий день выяснилось, что они одноклассники. И понеслось...

Но, выбирая влиятельных друзей, нужно быть готовым, что за место под солнцем придется платить. У «золотой» свиты было только одно требование – верность. Лучшие из лучших всегда должны держаться вместе и стоять друг за друга горой. Ничтожная цена за статус, особенно если учесть, сколько дверей открывает столь выгодное положение в студенческом обществе.

Каспер неохотно наступил на заднюю часть доски, прижав тэйл к земле. Скейт тут же затормозил, и Каспер обернулся на Тобиаса, вокруг которого быстро собрались остальные.

Здесь были не только члены свиты, но и «подсосы». Так Тобиас называл постоянно копошащихся рядом липучек, которые не были участниками свиты, но очень хотели ими стать. На них можно было скинуть любые поручения, и те со

щениячьей радостью бросались их исполнять. В качестве вознаграждения Тобиас иногда позволял бедолагам тусоваться вместе со свитой, и всех все устраивало.

– Йо, этот мелкий ублюдок, заявился в луна-парк! – про-рычал Тобиас, кривя толстые, блестящие от слюны губы. Он сжимал смартфон в своей лапище с такой силой, что тот, поднятый к лицам участников свиты, оставался цел только чудом.

Парни, поглядев на дисплей, заулюлюкали. Найт громко заржал. Касперу еще больше перехотелось подъезжать к товарищам, но Тобиас ждал. Его близко посаженные, почти черные глаза сверлили, подгоняя.

Деваться некуда. Каспер, стоя на скейте, оттолкнулся одной ногой и направился к Тобиасу.

– Вот, глянь, – тот с притворным безразличием протянул Касперу телефон, едва парень спрыгнул с доски.

Каспер поднял смартфон к лицу и сощурил пронзительно-голубые глаза – иначе рассмотреть что-то на экране в такую солнечную погоду было просто невозможно. В телефоне был открыт прекрасно знакомый чат – групповая беседа свиты, в которой Каспер и сам состоял уже почти год.

Однако последние несколько дней парень не открывал мессенджер: домашние дела, киноночи с Этель и тренировки в бассейне не оставляли свободного времени на болтовню в сети. В итоге количество непрочитанных сообщений перевалило за несколько сотен, и Каспер просто пролистнул стены

текста. Думал, что не пропускает ничего важного, но выпал из последних новостей и прозевал суть конфликта.

«Йо в парке у фонтана», – писала в чат Хильда, подкрепляя свои слова фото, сделанным издалека.

На снимке Каспер узнал светловолосого тихоню с курса. Все звали его просто Йо, и какое-то время Каспер действительно считал, что это настоящее имя. Лишь недавно ему, смеясь, подсказали, что Йо – это обрубок фамилии и кличка, подаренная за странную привычку парня постоянно крутить в руках йо-йо.

Чем забитый ботаник разозлил Тобиаса?

Йо – «призрак» потока. Неконфликтный, тихий и абсолютно незаметный. Каспер сталкивался с ним лишь на лекциях, на которых Йо всегда сидел один в дальнем углу. Он ни с кем не общался, а на перерывах что-то чиркал в своем блокноте. Йо мог бы стать постоянной мишенью для насмешек компании Тобиаса, но от этой участи парня спасало лишь то, что он частенько за символическую плату выполнял за членов свиты какие-то работы и писал зачеты.

Это единственное, что Каспер знал о Йо. Так чем тихоня мог вывести из себя Тобиаса?

– Погнали к парку, тут недалеко, – Тобиас выхватил смартфон из рук Каспера и свистнул, подавая сигнал остальным парням. – Прижмем придурка, пока он не свалил.

Радостно гогоча, вся компания бросилась исполнять приказ вожака. Шестеро парней, включая Тобиаса, встали на

доски и направились в сторону луна-парка.

Каспер мешкал. Он уезжал самым последним, потому что не хотел снова участвовать в разборках свиты.

Его, симпатичного спортсмена с богатыми родителями, да еще и после знакомства с Тобиасом легко приняли в компанию, едва начался учебный год. За весь первый курс, что Каспер провел среди популярных ребят, ему не раз приходилось заступаться за членов свиты, но почти все эти разборки были ерундой. Так... Игра мускулами и напоминание о том, кто правит балом.

Сейчас же все ощущалось иначе. Нехорошее предчувствие нависло над Каспером мрачной тучей. Подсознание гремело: «То, что вы собираетесь сделать, – неправильно».

– Тобиас! – Касперу пришлось сильно разогнаться, чтобы поравняться с друзьями. Но Тобиас все еще вырывался далеко вперед.

Они гнали прямо по дорогам тихих улочек, рискуя на новом повороте налететь на машину.

– Тобиас! – вновь позвал Каспер, перекрикивая ветер, что на скорости свистел в ушах. – Мы зря тратим время!

Каспер несколько раз с силой оттолкнулся от земли, а затем встал обеими ногами на деку и, балансируя на ней из стороны в сторону, начал разгоняться. Очень быстро ему удалось поравняться с Тобиасом, и тот, не сбавляя скорости, метнул на товарища испепеляющий взор. Каспер почти физически ощутил, как его одним взглядом чуть не столкнули

с доски.

Неожиданно на дорогу вывернул велосипедист, и парням резко пришлось огибать его, чтобы не столкнуться лоб в лоб. Каспер легко справился с маневром, а вот Тобиас чуть не налетел на припаркованное авто. Кто-то из ребят, ехавших позади, и вовсе врезался в забор и упал.

Каспер хотел остановиться, но Тобиас тормозить и не думал. Каспер гнал за ним.

– Мы не успеем. Йо уже ушел из парка. Бегать за ним – пустая трата времени, – прокричал Каспер, но сам слабо верил в свои слова.

Скейт-парк был в паре улиц от «Жерла». Уже сейчас Каспер видел над крышами коттеджей высящиеся аттракционы.

– Хильда и Клео задержат его, – не глядя на Каспера, процедил Тобиас и снова ускорился, вырываясь вперед.

Каспер не стал догонять друга. Нет смысла пытаться отговорить Тобиаса. Это не приведет ни к чему, кроме ссоры. Тобиас на взводе и слишком зол. На Йо? Или и на Каспера теперь тоже?

Каспер тяжело сглотнул, когда в голову закралась глупая, но пугающая мысль: «А что, если Тобиас теперь решит, будто я заодно с Йо?» Воображение лихо нарисовало картинки грядущего разговора, в котором Каспера выгоняют из свиты. Теперь он – такой же отброс, как и Йо.

«Быть заодно – единственное правило нашей компании, и ты его нарушил. Ты отвернулся от свиты, когда запахло жа-

ренным. Теперь свита отвернется от тебя», – жестко припечатал Тобиас из воображаемого будущего, в котором Каспер оставался один. Без друзей, без поддержки, без статуса, какой по умолчанию присваивается всем, кто вращается в правильных кругах.

Каспер пришел в ужас, лишь представив, на какое дно опустится, если друзья его бросят. Идеальный образ, к которому парень стремился день ото дня, станет недостижимым. Двери начнут захлопываться перед носом одна за другой. Девчонки свиты распускают такие слухи, что ни одна нормальная компания не примет к себе нового аутсайдера. Единственное, что Касперу останется, – сидеть на последней парте рядом с Йо и думать об упущенных возможностях.

И родители расстроятся, если Каспер станет новым «призраком» потока...

– Быстрее! Я его вижу! – крикнул Тобиас, самым первым выехав на дорогу, ведущую к луна-парку.

Отступить было уже поздно. Да и нужно ли? Может, ничего плохого не случится, а предчувствие просто обмануло Каспера? Он сделал над собой усилие и снова оттолкнулся, ускоряясь. «Жерло» становилось все ближе.

Отсюда уже было видно стоянку, а над густыми зелеными кронами нависали аттракционы: карусель, колесо обозрения, ракета, которая резко взмывала вверх с жутким свистящим звуком... Посреди аттракционов облупленная крыша театра выглядела неестественно. Будто ее вырезали из чер-

но-белого изображения и вклеили на перенасыщенное солнцем и красками фото.

Однако еще никогда на окраинах Фирбси не было так оживленно. У тех, кто приходил сюда впервые, наверняка разбегались глаза. Но Каспер смотрел только на парня, который бесполезно пытался отнять свой велосипед у двух девчонок: Хильда заняла сидушку, а Клео оседлала багажник над задним колесом.

– Йо!!! – в унисон с мыслями Каспера прорычал Тобиас и так резко затормозил на скейте, что в воздух поднялась стена пыли.

Даже издалека Каспер увидел, как и без того бледный Йо стал почти белым – на него надвигался Тобиас. Широкоплечий и темноволосый, он походил на тучу, которая угрожала вот-вот разразиться молниями.

Тобиас в несколько шагов сократил дистанцию и схватил Йо за грудки.

«Не надо!» – чуть не выкрикнул Каспер, но язык прилип к нёбу. Если Каспер открыто перейдет на сторону Йо сейчас, то там и останется – на последней парте, без друзей и амбиций. От него не отвернется только Этель – поддельная девушка, но настоящий друг.

Каспер заставлял себя думать, что в его поступках нет ничего омерзительного. Не страшно, если он просто постоит рядом с друзьями. Подумаешь, ссора. В универе постоянно кто-то ругается.

Но спокойствие, что Каспер так старательно внушал себе, лопнуло как мыльный пузырь, когда Йо вскрикнул. Хильда и Клео, взвизгнув, соскочили с чужого велосипеда и спрятались за спины подошедших парней. Все они обступили Тобиаса и Йо так, что теперь казалось, будто ссора разворачивается на арене.

Каспер стоял дальше остальных, не решаясь подойти. Все это слишком сильно напоминало его собственное тайное прошлое.

Элон, лучше бы все это было шуткой! Твоим родителям, наверное, очень стыдно за тебя. Это же мерзко! Ненормально! Фу! Мы выбьем из тебя эту дурь. И не смей больше приближаться к Ло, понял?

«Это неправильно. Так нельзя. Останови их!» – назойливый голос в голове не умолкал, но Каспер не решался сдвинуться с места. Он боялся, что сам вновь окажется в центре такого круга, и не был к этому готов.

Трус.

Ступни худого, как соломинка, Йо оторвались от земли, когда Тобиас рывком поднял его за грудки. Рюкзак с цветными значками упал на траву, в которой рассыпались карандаши. Обложкой вверх на земле раскрылся блокнот.

Друзья Каспера захлебнулись хохотом, увидев, как Йо бесполезно пытается вырваться из железной хватки Тобиаса. А сам Каспер не мог пошевелиться, хотя череп разрывался от внутреннего крика.

«Разве сейчас ты достоин гордости родных? Это – сын, которого они заслужили?!»

«Они не узнают, – ответил сам себе Каспер. – Репутация – вот знак успеха».

«Твоя репутация – бутафория и напускной лоск. Под ней – гниль и ложь. Мерзкий, искусственный мальчик».

«Плевать. Плевать! Плевать!!! Я лучше буду лжецом и лицемером, чем пустым местом!»

Каспер едва не схватился за голову, лишь бы заткнуть надоедливый глас совести. Но внутренний голос сам испуганно умолк, когда раздался глухой звук удара.

– Ты нарушил договор! – Тобиас скалой навис над Йо, который уже валялся на земле.

– Не нарушал! Я сделал все, как мы и договаривались! – прикрыв ладонью разбитый нос, прокричал Йо.

Каспер вздрогнул. Кажется, он впервые слышал голос Йо. Такой чистый и мягкий... Но сейчас он дрожал от боли, страха и злости. В этом была вина и Каспера тоже.

– Ты сказал, что напишешь зачетную работу так, что к ней будет не придаться, – Тобиас наступал, пока Йо пытался отползти. Земля и трава марали его светлые брюки. На белой футболке, заправленной под широкий ремень, расцвели алые брызги крови, которая капала с разбитого лица.

Все внутри Каспера противилось этому зрелищу. Беззащитный, пойманный в угол, Йо напоминал загнанного псами кролика. Напоминал Касперу его самого из прошлого. Глядя

на происходящее, Каспер невольно задумался – а он? Кто он теперь? Уж точно не охотник. Тогда, может, один из псов, что вот-вот вцепятся в глотку зверька? Или он все тот же кролик, который пытается походить на гончую? Но тогда собаки рано или поздно учуют его запах, и тогда...

– Я написал все, как и полагалось! Все было идеально!

– Идеально?! – проревел Тобиас и пнул велосипед Йо, который так некстати оказался рядом.

Металл с лязгом ударился об асфальт дорожки. Несколько прохожих пугливо обернулись на шум, будто до этого не замечали происходящего.

Замечали. Просто всем плевать.

Презрение Каспера к равнодушным горожанам вдруг обернулось отвращением к самому себе, едва парень понял – он ничуть не лучше бездействующих зевак. Он хуже их.

Когда Йо уперся спиной в металлический забор и отползать стало больше некуда, Тобиас остановился. Их разделил всего шаг, и в этом небольшом расстоянии сгустилось столько напряжения, что воздух можно было резать ножом.

– Меня завалили дополнительными вопросами, – пугающе спокойно сказал Тобиас. – Препод гонял меня по теме реферата вдоль и поперек, а потом отправил на пересдачу.

Тобиас говорил очень тихо, его грубый голос теперь походил на змеиное шипение. Свите пришлось умолкнуть, чтобы слышать каждое слово жожака.

«Мы не свита. Мы стая», – мысль заставила Каспера шум-

но втянуть носом воздух и отшатнуться. Но один шаг не отделил парня от беспредела, что творился прямо перед ним. Он все еще соучастник издевательств.

– Не моя вина, что тебя спросили по реферату! – Йо храбрился. Повышал голос, сжимал тонкие пальцы в кулаки, но все равно был зажат в угол. – Я выполнил свою работу! То, что ты завалил свою...

– Если бы работа была выполнена идеально, никто бы и не думал придирааться с вопросами!

Парни засвистели, поддерживая Тобиаса, а Йо стал бледной копией самого себя. Лишь алые пятна крови на футболке и под носом выделялись яркими штрихами в его призрачном образе.

– Теперь эту работу отклонили, – продолжал жаловаться Тобиас. – Меня отправили на пересдачу, навешали новых заданий, так еще и стипендии лишили.

– Я тут ни при чем! – Йо вытер тыльной стороной кисти кровь, которая новой струйкой спустилась к губам.

Сердце Каспера бешено колотилось, грозясь разбиться о ребра. Он впервые оказался замешан в серьезный, открытый конфликт. Да, не он разбил Йо лицо, не он кричал, грозясь выбить из бедняги не только деньги, но и новые бесплатные работы... Но, даже наблюдая за происходящим со стороны, Каспер ощущал себя так, будто каждый удар нанесен его рукой. Каждое злое слово – его вина. Каждый новый шрам, каждая слеза, которую Йо прольет дома, – это следы бездей-

ствия Каспера.

Но, даже понимая все это, Каспер не мог заставить себя сдвинуться с места.

– Слушай сюда, Йо, – Тобиас выплюнул кличку так, словно она была ядом для его губ. – Ты вернешь мне деньги за некачественную работу...

– В работе не было недочетов!

Тобиас его не слушал.

– В качестве извинения я приму от тебя новые зачетные работы. Но учти, перед тем, как я понесу их в университет, твои писульки проверят мои друзья. И если ты, мелкий ублюдок, решишь меня подставить...

Никто не ожидал, что Йо осмелится сбежать прямо из-под носа Тобиаса. А потому, когда парень резко вскочил на ноги и, юркнув между своим мучителем и забором, бросился к парку, все еще несколько тягучих секунд смотрели ему вслед.

Каспер мог бы остановить Йо, ведь тот проскочил совсем рядом с ним. Стоило лишь протянуть руку или шагнуть чуть вбок – и все, Йо снова в ловушке. Но Каспер застыл, сам не понимая, чего желает больше: угодить свите или не замарать руки.

– За ним! – Тобиас, растолкав парней, бросился вдогонку самым первым.

Все друзья Каспера, даже девчонки, ринулись за Йо, но сам он сомневался, что без скейтбордов они смогут догнать

беглеца. Или Каспер на это только надеялся?

«Шевелись, иначе тебя заподозрят в измене!» – приказал внутренний голос. Каспер уже хотел послушаться, как вдруг заметил что-то на земле. Коричневый блокнот с кожаной обложкой валялся неподалеку от выпотрошенного рюкзака с радужными значками.

Каспер заставил себя отвести взгляд и бежать, но грудь стянуло узлом, который с каждым шагом затягивался все туже. Когда это чувство стало причинять почти физическую боль, Каспер вернулся к забору, поднял с земли чужой блокнот и рюкзак и запихнул их в свой. Еще он прихватил с собой скейт и, наплевав на то, что на поляне остались доски друзей, со всех ног бросился в парк.

Глава 4

Дарен

– Живее! Вон он! – доносилось Дарену в спину, пока он мчался по разбитым дорожкам парка.

Дарен бежал куда глаза глядят. Он неосознанно выбирал самые людные локации парка, и это играло ему на руку. Тощий и ловкий, Дарен легко просачивался сквозь толпу, а вот широкоплечему Тобиасу и его недоумкам-качкам придется постараться, чтобы пробиться за беглецом.

Однако, несмотря на небольшую фору, Дарен не питал надежд на спасение. Рано или поздно Тобиас его поймает. Если не зайдет в угол в «Жерле», то дождется на выходе. Расставит дружков по периметру парка, как стражников, а потом закончит начатое.

Дарен до сих пор чувствовал, как горячая кровь стекает по задней стенке горла. Не будь он так сосредоточен на побеге, его бы наверняка стошнило от этого мерзкого ощущения. Кровь лила из разбитого носа, и Дарен раз за разом размазывал ее по лицу. Теплая влага просачивалась в рот и отзывалась металлическим привкусом на кончике языка.

Может, не стоило удирать? Если бы Дарен заткнулся, молча покинул Тобиасу, то тому быстро бы наскучила такая пытка. Нужно было всего-то потерпеть несколько минут униже-

ний и криков, выслушать все угрозы богатенького мальчика и, может быть, получить финальный удар в живот. Но это стало бы точкой в не самой приятной главе.

А сбежав, Дарен только усугубил свое положение. Теперь он ни за что не отделается так легко. Тобиас не спустит подобную выходку с рук. И, наверное, будет прав.

Дарен все испортил. Снова.

За спиной что-то взревело. Дарен вздрогнул от резкого скрипучего звука и обернулся. То стонал аттракцион: вверх вместе с визжащими смельчаками взмыла быстро вращающаяся тарелка. Она наклонялась и переворачивалась, но Дарен не был одним из зрителей этого шоу. Бегающий взгляд перебирал людей в толпе, и сердце замирало каждый раз, когда ему казалось, что среди улыбающихся лиц возникала злобная гримаса Тобиаса.

– Вон он! – крикнул кто-то в толпе.

Всего лишь ребенок, который мчался за воздушным шариком, но для Дарена короткая фраза стала подгоняющим кнутом. Отдышался. Теперь нужно бежать.

От обилия цветов, от ряби огоньков плыло в глазах. Приторные запахи попкорна и сладкой ваты мешались с ароматом крови. Дарена тошнило, от нервов кружилась голова. Ему, напуганному и загнанному, казалось, что он бродит по кругу в лабиринте одних и тех же аттракционов.

«Плевать, – даже внутренний голос задышался от недостатка кислорода. Легкие горели от долгого бега. – Плевать,

что наматываю круги. Меня не поймали – это главное».

Но стоило Дарену лишь подумать об этом, преследователи напали на его след.

– Зак! Держи его! – перекрикивая гул толпы и аттракционов, проорал Тобиас.

Дарен успел столкнуться с ним взглядами, а затем снова бросился убегать. На этот раз ноги несли его прямо к зданию театра, но Дарен понятия не имел, что будет делать, когда доберется до заброшки. Двери заперты, раньше их открывали только перед вечерними представлениями, но те вроде уже давно отменили из-за аварийного состояния «Юстины».

Пuls барабанной дробью стучал в висках, заглушая не только звуки мира, но и собственные мысли. Дарен слышал лишь быстрые тяжелые удары, что разрывали череп в унисон с сердцебиением.

Театр становился все ближе. Мрачный, серый, с широкими обшарпанными колоннами, что подпирали темную крышу. Он походил на неприступную скалу... Или на валун, который вот-вот покатится и раздавит тебя.

Перед массивными каменными ступенями Дарен всего на мгновение замер. Нет смысла пытаться попасть внутрь. Бежать обратно – значит угодить прямиком в лапы Тобиаса. Оставался лишь один путь – обогнуть театр и надеяться, что за ним можно будет спрятаться или сбежать из «Жерла», перебравшись через забор.

Не имея другого плана, Дарен бросился за театр. Если он

ошибается, если упрется в тупик, то это конец. Дарен не сможет оббежать театр по кругу – его поймают. Выходит, он либо найдет лазейку для побега, либо сам попадет в капкан.

Вряд ли за театром будет слишкомлюдно. Никто не оставит Тобиаса, если он решит до полусмерти избить Дарена прямо там.

Едва эта мысль закралась в голову, Дарена бросило в холод. Что он наделал?! Зачем удрал? Нужно было дать поймать себя в парке, посреди толпы, где Тобиас не осмелился бы навредить. А еще лучше – стоило сдаться сразу. А теперь минутное унижение перерастет в настоящую пытку.

– Беги-беги, придурок! – бросил кто-то Дарену в спину.

Раздался дикий гогот, от которого желудок Дарена подскочил к горлу.

Все. Ему точно конец. И поделом.

Уныние превратило тело в пластилин. Ноги заныли и вдруг стали непослушными. Дыхание окончательно сбилось, а перед глазами поплыло от выступивших слез.

Голоса преследователей становились все ближе, а шаг Дарена – медленнее. Он хотел остановиться и уже поднял голову, чтобы обернуться на своих мучителей, но вдруг заметил аттракцион.

«Театр кошмаров», – прочитал Дарен над входом – широко раскрытым зубастым ртом клоуна. У арлекина были сильно выпученные глаза, которые выглядели стеклянными и пустыми, и алые, словно измазанные кровью губы, растянутые

в неестественно широкой улыбке.

Неудивительно, что этот аттракцион – коробку крошечно-го здания с ярким входом – поместили за театром. Спрятали жуть от впечатлительных зевак.

– Ты заходишь?

Голос за спиной раздался так неожиданно и близко, что Дарен вздрогнул. Он был готов увидеть одного из приспешников Тобиаса, но лоб в лоб столкнулся с незнакомым парнем.

В одном ухе брюнета серебром отливало несколько мелких колечек. Его короткие, слегка кудрявые волосы пребывали в полном беспорядке. Тонкое бледное лицо неизвестного казалось усталым, но глаза выдавали интерес.

Дарен никогда не видел таких глаз. Радужку словно отлили из жидкого золота, и оно переливалось и блестело.

– У меня нет билета, – признался Дарен и хотел снова броситься убегать, но незнакомец, который, похоже, был контролером в комнате страха, вдруг улыбнулся.

– Первое посещение бесплатно, – парень великодушным жестом указал на пугающий вход. На его пальце желтым бликом сверкнуло кольцо с ограненным камнем.

Дарен проследил за рукой брюнета и уставился на зубастый рот клоуна. Он хотел отказаться от щедрого предложения – Дарен боялся аттракционов, потому что не был уверен в их надежности. Как можно всего за ночь разместить целый луна-парк?!

Но все сомнения испарились, когда сзади послышался топот ног. Свита нагоняла.

Забыв поблагодарить незнакомца и не подумав, что будет, когда он выйдет после аттракциона, Дарен бросился в пасть клоуна.

– Ловите его! – приказал Тобиас то ли своим прислужникам, то ли контролеру «Театра кошмаров».

Дарен успел обернуться и увидеть покрасневшее после погони лицо и горящие гневом черные глаза Тобиаса. А потом рот клоуна захлопнулся, острые зубы сомкнулись, отрезав путь к отступлению.

На секунду Дарена накрыл купол непроглядной мглы. Вязкая и тягучая чернота была такой густой, что сквозь нее не пробивались даже звуки внешнего мира. Шум аттракционов, ругань Тобиаса и виноватые голоса членов свиты стихли, будто их никогда и не существовало.

– Проклятье, – шепнул Дарен, чтобы развеять пугающее затишье.

Звук его голоса словно затронул какой-то тумблер – в тесном коридоре комнаты страха зажглась красная лампа. Дарен поднял глаза, чтобы найти источник давящего алого света, и с удивлением понял, что коридор в мельчайших деталях повторяет строение ротовой полости.

Окруженный хороводом гнилых зубов, Дарен стоял на языке, который горкой уводил в глубь аттракциона. Неровные стены блестели, имитируя гладкую слизистую. Они из-

гибались кверху, нёбными дужками переходя в потолок. Дарена замутило, когда он понял, что в верхних углах комнаты прячутся отнюдь не странные плафоны, а раздутые миндалины, забитые гнойными пробками.

Дарена замутило еще сильнее. Ему даже показалось, что его окутал запах гнили.

– Мерзость, – скривился Дарен и перевел взгляд на висячий язычок, который и был источником света. Всего доля секунды, и огонек пришел в движение.

Хотя нет. Подвешенная красная лампа осталась на месте. Зашевелился язык, на котором Дарен стоял.

– Нет! – испуганно охнул парень и попятился, но этим лишь ускорил движение жуткого механизма.

Язык поднимался, превращаясь в горку, и Дарену было все сложнее устоять на ногах. Механизм под полом затрещал, Дарен рухнул, больно прикусив щеку. Его рот снова наполнился кровью, от вкуса которой органы внутри мерзко зашевелились, точно обратившись в скользких ужей.

Дарен пытался нащупать под собой какой-нибудь выступ, за который можно было бы зацепиться. Он не хотел скатываться по горке, не хотел бродить в одиночестве по темной комнате страха. Лучше задержаться здесь, у входа, который скоро снова откроется.

Но платформа резко дернулась, скинув Дарена в черную воронку. Он катился вниз в абсолютной темноте и сдерживал крик лишь усилием воли, крохотные крупички которой

грозились вот-вот рассеяться. Остаться спокойным становилось труднее с каждым мгновением, ведь горка стала почти отвесной.

Дарен видел помещение аттракциона снаружи – совсем небольшое здание. Здесь не может быть таких горок. Только если они не ведут в подвал... Выходит, Дарен уже под землей? Или это какой-то трюк, иллюзия?

Стоило Дарену об этом подумать, горка кончилась. Он мягко затормозил, его ступни коснулись пола. Дарен думал, что сейчас включится еще одна пугающая красная лампа, но вместо этого в комнате заиграла музыка.

Он узнал песню с первой ноты и замер. Дыхание встало поперек сведенного судорогой горла, которого Дарен коснулся дрожащей рукой.

Почему... Почему именно эта песня?!

«*Fly me to the moon¹*», – пропел тягучий женский голос. Дарена затрясло.

Он схватился ладонями за голову, силясь закрыть уши, лишь бы не слышать, не вспоминать...

«*And let me play among the stars²*», – издевательски трещало из колонок, которые прятались где-то в темноте.

Крупная дрожь прокатилась по телу мощной вибрацией, от которой органы внутри стянулись в узел. Дарен слышал эту старую песню лишь однажды, но она настолько въелась

---

¹ Унеси меня на луну (англ.).

² И позволь мне играть среди звезд (англ.).

в его мозг, что вот уже девять лет разлагала сознание. Она снилась в кошмарах, преследовала бессонными ночами, звуча незатухающим эхом воспоминаний.

Эта песня для Дарена – гимн ненависти к себе и чувства вины, которое будет преследовать до самой смерти.

«*Let me see what spring is like³*», – мелодия заполняла комнату, как вода – тесный аквариум.

Дарен больше не мог закрывать уши. Его руки дрожали так, что, казалось, принадлежали кому-то другому. А когда в помещении все-таки зажегся тусклый свет, которого едва хватило, чтобы осветить возникшую в комнате фигуру, Дарен захлебнулся слезами.

Он не понимал, почему рыдания вдруг сдавили горло. Он напуган? Скорбит? Ненавидит себя? Презирает. Его существование – ошибка.

---

³ Дай мне посмотреть, на что похожа весна (англ.).

теперь она выделялась четкой тенью.

Так когда-то ее очертили закатные лучи, заглядывавшие в окно.

Дарен уже видел свою мать такой. Растрепанные волосы обрамляли поникшую голову, повисшую на сломанной шее. Тощее тело казалось невесомым, но это впечатление обманчиво. Мышцы давно заоченели. Кожа лица – серая бумага, но ноги, оторванные от земли на полметра, потемнели от крови, что прилила к ним после того, как сердце сделало последний отчаянный удар.

Ее не должно здесь быть. Не должно! Что это за аттракцион? Как такое возможно? Или дело не в комнате страха, а в том, что за годы терзаний Дарен просто свихнулся?

Дарен попытался отползти, но вдруг уперся спиной в стену. Еще несколько секунд назад он был уверен, что ее там не было! Сердце ударилось о ребра, пытаясь разбить ледяную корку, которой покрылось от ужаса. Но чем сильнее сердце долбилось в груди, тем холоднее становилась кровь.

– Это ты виноват, – шевелились синие губы.

Дарен хотел выкрикнуть, что это неправда. Что он ничего не сделал. Что он был всего лишь ребенком... Но не смог.

Мать говорила ровно то, что сам Дарен повторял себе каждый раз:

– Ты – ошибка. Ты – причина всего. Ты отнял мое счастье, мою любовь, мою жизнь!

Дарен зажмурился, чтобы не смотреть в тусклые, мутные

глаза матери. Ее зрачки расширились после смерти и теперь заполняли почти всю радужку. Раньше ее глаза были голубыми, но теперь сверлили сына черными безднами, в которых Дарен читал лишь ненависть и пронизывающую холодом боль.

– Ты! Ты! Ты! – кричала женщина так яростно и отчаянно, что ее тело начало раскачиваться в петле, как маятник. Она болтала посиневшими ногами, дрыгалась с такой силой, что в какой-то момент позвонки, сдавленные веревкой, мерзко хрустнули.

Дарена вырвало. Горечь, желчь и соленые слезы смешались в отвратительный коктейль. Дарен испачкал футболку, но это последнее, что сейчас его волновало.

– Хватит! – взвыл Дарен, когда снова открыл глаза и увидел, как женщина пытается вырваться из петли, в которую сама себя заключила девять лет назад.

Ее задеревеневшее тело не слушалось. Мышцы едва не трещали, когда женщина пыталась согнуть конечности.

Мерзость. Мерзость. Мерзость.

– Единственная мерзость здесь – это ты, – сдавленное петель горло испустило скрипучий голос. – И ты это знаешь как никто другой.

Элена Йоркер выпуталась из веревки и теперь стояла перед Дареном, глядя на сына сверху вниз. Дарен дрожал и плакал, но заставил себя посмотреть в мутные глаза матери. Когда-то они были голубыми...

– Да, я знаю, – выдавил он и задохнулся в слезах.

Глава 5

Ронда

Сегодня у Ронды был выходной, но день оказался даже более загруженным, чем будни. За последний час Ронда допивала уже четвертую кружку кофе, в который не добавляла ни молоко, ни сахар. Напиток сильно горчиал на языке, но так создавалось впечатление, что кофе бодрит лучше.

Пустые кружки загромождали стол, усыпанный бумагами, как снегом. Сугробы документов становились все выше, а глаза Ронды – краснее. Она не была уверена, что сегодняшней ночью поспала хотя бы пять часов. Но ни спать, ни заниматься чем-то другим она просто не могла. Все мысли были заняты информацией, которую удалось нарыть.

Сделав последний глоток ядерно-крепкого кофе, Ронда поставила кружку на одну из стопок, подхватила другую и с беспокойным сердцем подошла к стене напротив окна. Там висела пробковая доска, к которой еще какое-то время назад цветными кнопками были прикреплены фотографии. Практически все снимки были сделаны в школе: Ронда за партой, с подругами, с классом на экскурсии, с бывшим бойфрендом, селфи в обнимку с Аарроном...

Но больше всего Ронда любила фото, на котором была действительно счастлива в последний раз: кадр с ее школь-

ного выпускного. На этом снимке Ронда получилась так себе – моргнула и закрыла глаза.

– Зато глянь, как ты тут улыбаешься! – в тот день сказала мама, которая на фото стояла справа от Ронды и ее младшей сестры, такой же рыжеволосой, как все женщины в семье. – Вы с Этель здесь такие счастливые!

– А папа дурачится! – жаловалась Этель на отца, который поставил ей рожки как раз в тот момент, когда щелкнул затвор.

Неидеальное фото из идеальной жизни, отдающее горечью утраченного счастья. Но даже его Ронда сняла с доски и спрятала в шкатулку, чтобы случайно не заляпать кофе и не потерять среди столбов документов.

– Так, – шепнула она сама себе, чтобы сосредоточиться. – Попробуем...

За следующие полчаса пробковая доска покрылась бумагами так, что светло-коричневую поверхность не было видно из-за листов. На каждом был напечатан текст, фото и сделаны пометки рукой Ронды.

Если бы на результат ее трудов взглянул случайный человек, он бы не увидел никаких закономерностей – просто известия о смертях, беспорядочно прикрепленные к доске совершенно нелепыми и неуместными яркими кнопками. Хаос, такой же, как и в комнате Ронды.

Но единственное, в чем Ронда никогда не допускала бардака, так это в своей работе.

Она не один день пыталась понять, что объединяет всех погибших. Ничего общего, кроме одной-единственной точки, которая на карте Фирбси теперь была отмечена как луна-парк «Жерло». Но этого недостаточно.

Ронда многим рисковала, когда решила посетить родственников погибших, чтобы опросить их. Если в полиции узнают о том, что помощница детектива, которая к тому же еще на стажировке, занялась своим неофициальным делом, возникнут серьезные проблемы. Но ставки выросли, как и риск, когда Ронда вошла в архив, чтобы изучить сведения об умерших из ее списка.

Боялась ли она, что будет раскрыта? Да. За превышение должностных полномочий ее, скорее всего, отстранят. Тогда ей и Этель придется несладко. Денег сестрам и без того едва хватало...

Но жалела ли Ронда о своем поступке? Нисколько.

И пусть ей не удалось найти одну-единственную точку соприкосновения, Ронда все же узнала кое-что интересное. Почти всех, кто умер якобы без причины спустя какое-то время после посещения парка, можно было разделить на несколько групп, которые могли пересекаться между собой.

Люди с криминальным прошлым, попытками суицида, психическими расстройствами, плохими отношениями в семье, пристрастием к алкоголю и даже наркотикам...

Все они так или иначе имели неблагоприятное или криминальное прошлое. Но были и такие, кто остался вне групп.

Однако их было так мало, что Ронда решила – исключения из правил лишь подтверждают их.

Именно по принципу общих деталей прошлого Ронда и разделила всех людей. На каждую группу – свой цвет кнопок. Тех, кто не вошел ни в одну из групп, Ронда объединила в новую. Ее она разместила в нижнем углу доски.

Закончив с бумагами, Ронда устало вздохнула и сделала несколько шагов назад. Она тут же споткнулась о стопку телефонных справочников, через которые искала родственников погибших. Башенка из книг рухнула, но Ронда даже не вздрогнула.

Она смотрела на результат своих трудов. Сначала Ронда радовалась, что смогла найти в цепочке странных событий хоть какую-то структуру, но очень быстро ее вновь начали обуревать сомнения, которые день ото дня в ней сеяли окружающие.

Может, она в чем-то ошиблась, прогадала. Может, то, что почти все эти люди имели темное прошлое, – очередное совпадение, ведущее в тупик. Может, Ааррон и ее коллеги правы – это не дело, а просто смерти, которые случаются каждый день...

Но Ронда не могла отступить. Она не даст себе это сделать, пока не убедится, что ищет подвох там, где его действительно нет, или же разгадает загадку и хотя бы попытается остановить бессмысленные смерти. Ронда не позволит, чтобы их стало еще больше.

Не допустит эту ошибку снова.

Сердце тоскливо сжалось. Каждый раз, вспоминая о том злополучном дне, Ронда ощущала себя так, будто все кости растаяли, лишив тело опоры. Она сделала шаг назад и вслепую осела на стол. Несколько стопок бумаг рухнули. Листы ковром легли на пол.

– Соберись, – приказала себе Ронда и крепко стиснула челюсти.

Да, в прошлом она оступилась. Не сумела взять ситуацию под контроль и дорого за это заплатила. Но если она расклеится сейчас, если будет слабой, то не сможет никому помочь и не исполнит обещание, данное самой себе. Заметок на доске станет больше, а груз вины на сердце – тяжелее.

Нельзя контролировать весь мир. Нельзя уничтожить все зло. Но Ронда попытается вырвать хоть несколько сорняков несправедливости.

Ронда не сразу поняла, откуда зазвенел телефон. В кармане его не оказалось, на столе вроде тоже. Звонок становился все настойчивее и громче, словно заражаясь нетерпением того, кто пытался связаться с Рондой, пока она металась по комнате, силясь найти смартфон. Он оказался под столом, спрятанный под стопкой свежих газет, в которых Ронда безуспешно пыталась отыскать полезную делу информацию.

Она села на пол, разворошила все, что там лежало, и наконец ответила на звонок.

– Я уже думал, проще послать письмо голубиной почтой,

чем дожидаться, пока возьмешь трубку, – вместо приветствия выдал Ааррон.

Ронда коротко приснула.

– Не могла найти телефон, – она виновато потерла затылок и ссутулилась, чтобы случайно не стукнуться о столешницу.

– Ни капли не удивлен. Я уже говорил, что со школы ты совсем не изменилась?

Ааррон не видел ее лица, а потому Ронда даже не попыталась притвориться, будто улыбается. Она крепко сжала губы так, что они побледнели, и уронила взгляд на газеты, разбросанные по полу.

Изменилась. Просто никто, кроме нее и Этель, этого никогда не поймет, не увидит шрамов, которые прячутся глубоко под ребрами. Изменилась настолько, что в последний момент, сразу после выпускного из школы, отбросила старые планы и поступила в полицейскую академию.

Странно, что Ааррон этого не понимал, ведь в школе они были лучшими друзьями. До того, как Ронда замкнулась на своей цели и разорвала общение со старыми приятелями, Ааррон знал ее как никто другой.

Молчание затянулось. Ронда стеклянным взглядом смотрела в одну точку, слушая тишину в трубке. Она думала о прошлом: о школе, о злосчастном выпускном, о роковой ошибке, которую не смогла предотвратить, потому что была слишком слабой. У нее не было ни полицейского значка, ни оружия, чтобы остановить ужасный сценарий, по которому

покатилась жизнь ее семьи. Но теперь...

– Ронда, – откашлявшись, чтобы нарушить гробовое молчание, снова начал Ааррон, – ты видела, что я тебе сбросил?

Она несколько раз моргнула, прогоняя черно-красные кадры прошлого, что стояли перед глазами. Мрачная пелена воспоминаний рассеялась, и Ронда сосредоточилась на разговоре.

– Я заходила на свою почту вчера вечером. Ничего от тебя не видела.

– Я сбросил видео ночью. Ты должна его увидеть.

– Видео? – Ронда устало подперла голову ладонью.

На ум сразу пришли те ролики, какие обычно ей сбрасывает сестра, – милые и смешные нарезки с котиками. Но тон Ааррона отчетливо давал понять – дело серьезное.

– Что там?

– Это связано с... твоей просьбой, – в динамике послышался странный звук. Похоже, Ааррон начал нервно тарабанить пальцами по столешнице.

О какой именно просьбе идет речь, Ронда прекрасно поняла. Ааррон пообещал снабжать ее всей доступной ему, патологоанатому, информацией, если парню покажется, что она как-то связана с делом Ронды.

Ронда моментально оживилась и выбралась из-под стола. Тот разговор случился почти неделю назад, и она решила, что Ааррон отклонил ее предложение. Теперь же Ронда была приятно удивлена. У нее есть союзник!

– Опять кто-то умер, а вскрытие ничего не показало? – предположила она, запрыгивая на кровать вместе с ноутбуком. Старенький компьютер нутужно гудел и начал быстро нагреваться. Ронда сверлила темный экран нетерпеливым взглядом.

– Нет, тут кое-что новенькое.

Индикатор загрузки двигался, как назло, медленно. Компьютер словно издевался над нетерпением Ронды.

– Может, я приеду к тебе на работу? Посмотрим тело вместе, – будничным тоном предложила Ронда, хотя заживо сгорала от жажды информации.

– Сегодня не моя смена, прости, – действительно погрузневшим голосом отозвался Ааррон. – Поэтому и сбросил ролик. Завтра тело уже увезут, а ты должна посмотреть.

Ронда даже постучала ногтем по боку компьютера, надеясь, что это ускорит загрузку. Но на экране появилась раздражающая надпись: «Обновление».

– О боже, – Ронда убрала ноутбук с колен и привалилась к стене. Глядя на пробковую доску, увешанную краткими заметками об умерших людях, она попросила: – Ааррон, скажи коротко, что там. Не могу сейчас посмотреть.

Ааррон тяжело вздохнул. По коже почему-то прокатились колючие мурашки. Ронда тут же закуталась в одеяло, благо кровать была всегда расправлена.

– Сегодня ночью на улице умер молодой парень. Еще не выяснили, кто он, но важнее другое. Нам повезло, и момент

его смерти засняли камеры возле продуктового.

«Повезло», – неуместное, но правильное слово царапнуло по внутренней стороне грудной клетки морозными когтями страха. Ронда тяжело сглотнула и продолжила слушать.

– Ронда, – Ааррон набрался сил и на одном дыхании выпалил: – Этот парень выцарапал себе глаза. Зрелище жуткое. Хорошо, что видео без звука.

Ронда шумно втянула носом воздух. На раздумья и на то, чтобы переварить новость, ей хватило пары секунд:

– Он скончался из-за шока?

– Нет. На записи увидишь, парень умер очень быстро – ни потери крови, ни боли толком испытать не успел. Просто упал замертво после того, как превратил свое лицо в фарш. А вскрытие... Снова ничего не показало.

– А экспертизы? Может, мальчишка обдолбался «дурыю» и устроил предсмертное шоу?

– Нет, наркотики имеют свой след, и экспертиза хорошо умеет его распознавать. Тут все чисто. Как и во всем остальном. Парень был трезв и абсолютно здоров.

– Однако решил почесать глазницы и внезапно помер без всяких причин, – помрачневшим голосом подхватила Ронда.

– Да. Вроде того. Кроме выцарапанных глаз – никаких увечий. Физиологических отклонений тоже нет.

– Хорошо, я посмотрю видео, – медленно, пребывая в шоке от услышанного, выдавила Ронда. – Спасибо, Ааррон. Я твоя должница.

– Я запомню это. До встречи, – его голос, в котором неожиданно прозвучала улыбка, прервали гудки.

Ронда подтянула к себе подушку, откинула телефон и уставилась на ноутбук, который потихоньку оживал. Однако когда экран наконец-то показал рабочий стол, на первом этаже хлопнула входная дверь.

– Я дома!

– Ты в последнее время поздно возвращаешься, – спускаясь в холл, выкрикнула Ронда.

В коридоре Этель уже не было. У двери лежали лишь ее рюкзак и ролики, которые сестра аккуратно приставила к стене.

– Долгая история, – донесся ее голос с кухни. Там гремела посуда, уже гудела микроволновка. – Садись, расскажу, пока будем ужинать. Ты ведь еще не ела, да?

– Нет, – качнула головой Ронда и села на скрипучий стул, накрытый затертой подушкой.

Она и не обедала даже. Но Этель об этом знать необязательно.

Весь выходной Ронда провела в бумагах. Мысль об этом вызвала укол совести. Как давно Ронда в последний раз готовила ужин для себя и Этель? Как давно они ели нормально, а не перебивались полуфабрикатами? Она ужасная старшая сестра...

– Опять зависали у Каспера?

– Нет, – Этель выключила микроволновку за секунду до

того, как та бы запищала. – Крuche.

Этель поставила пачку разогретых блинов на стол и упорхнула заваривать чай, оказавшись за спиной Ронды.

– Ну, давай уже, колись! – раскладывая блины по двум тарелкам, воодушевленно улыбнулась Ронда.

– Итак, – Этель изобразила барабанную дробь, выждала театральную паузу и радостно объявила: – У меня сегодня была полноценная смена! Я не хотела говорить, пока все окончательно не решится. Несколько дней были короткие смены, но сегодня можно поздравить меня. Все официально!

Этель поставила на стол две кружки, из которых свисали ярлычки дешевого пакетированного чая, и поаплодировала сама себе. Ронда недоуменно моргнула и уставилась на сияющее лицо сестры. Отцовские глаза светились восторгом.

– Ты устроилась на работу?

– Крuche! – широко улыбнулась Этель и с ногами села на стул напротив Ронды. – Я теперь волонтер!

Улыбка Этель стала еще ослепительнее. На тесной кухне будто зажглась еще одна лампочка. Только вот Ронда восторг сестры разделять не спешила.

– Волонтер?

– Ну да. Это когда помогаешь...

– Просто так, я знаю, – без особого энтузиазма закончила Ронда и не смогла сдержать тяжелый вздох.

Уголки губ Этель дрогнули и поползли вниз. Зелень здорового глаза перестала напоминать летнюю листву и теперь

больше походила на дремучее болото. Во взгляде сестры застыла тягучая тоска и разочарование.

– Могла бы хотя бы притвориться, что рада за меня.

Этель оттолкнула от себя тарелку с блинами, к которым даже не притронулась. Она уже начала вставать из-за стола, но Ронда поймала сестру за запястье, не дав той ускользнуть.

– Я хотела, чтобы ты отдохнула этим летом, – успокаивающе произнесла она, глядя в лицо сестры. Из-за напряжения на нем даже шрамы стали выделяться острее. – Первый курс – это всегда сложно. Тебе нужна передышка, а не работа, за которую еще и не платят.

– Не платят, – бесцветно повторила Этель и вырвала свою руку.

Ронда прикусила губу, поняв, какую ошибку совершила.

– Так в этом все дело? В том, что я работаю бесплатно?

– Я этого не говорила.

– Ты так подумала.

«Не пытайся залезть мне в голову и вытащить из нее то, чего не было!» – чуть не сгубила Ронда, но вовремя прикусила язык.

Эти слова только ухудшат ситуацию и разозлят обеих сестер. А еще... Этель права. С деньгами и так проблемы, и если уж ей не терпится чем-то заняться летом вместо отдыха, то лучше бы Этель делала это не за «спасибо».

– За отработанные волонтерские часы можно купить дополнительные медицинские курсы, – не глядя на старшую

сестру, поделилась Этель.

Она так и не села обратно за стол. Стояла за выдвинутым стулом напротив двери, не решаясь ни уйти, ни остаться. И хоть Этель сделала шаг к примирению, она была готова сбегать в ту же секунду, когда Ронда снова оступится и обронит неверное слово.

– Это здорово, – нерешительно произнесла Ронда. В руках она сжимала кружку, полную горячего чая, который ни разу не глотнула. – Почему сразу не сказала?

– Потому что ты не дала мне это сделать, – несмотря на резкие слова, Этель все же опустилась на краешек стула. На остывающие блины и чай она даже не смотрела.

– И где волонтеришь? – выдавила дружелюбную улыбку Ронда, пытаясь разбавить напряженную атмосферу. – В универе помогаешь или после первого курса дали допуск на практику в больнице?

И пусть улыбка была фальшивой, но интерес Ронда не играла. Похоже, Этель это почувствовала и опустила щит замкнутости, за которым пряталась от сестры.

– В парке, – она откусила блин, но тут же отложила его. После ссоры обеим сестрам еда встала поперек горла.

– В парке? – Ронда нахмурилась, а перед внутренним взором возникла карта Фирбси. – Тот, который в центре? «Изумрудный пруд»?

Этель только качнула головой и даже рот раскрыть не успела, а Ронда уже все поняла.

– В «Жерле», – сказали сестры в один голос, и их лица переменились.

Этель снова попыталась улыбнуться, а Ронда о своей маске дружелюбия мигом забыла. Ее брови поползли на лоб, кровь отхлынула от лица. Этель перемен в сестре не замечала, потому что, обиженная, все еще смотрела куда угодно, но только не на Ронду.

– Набор объявили не так давно, и я кое-как успела забрать место, – Этель смотрела в пол, а ее пальцы нервно теребили оторванный ярлычок от чая. – Работа несложная, хотя время жрет ужасно. Чтобы накопить на курсы, мне придется пахать в парке все лето...

– Нет, – спокойный, но жесткий голос Ронды стер последние призраки радости с лица Этель.

Она нахмурилась, и шрамы на ее виске бледной паутинкой опустились вслед за кончиком брови.

– Ты больше не пойдешь в парк. Ясно? – строже, чем стоило бы, приказала Ронда, и это окончательно разрушило надежды на перемирие.

– Не пойду? Почему это?

– Потому что... – начала Ронда, но тут же запнулась.

Как пояснить сестре, что, возможно, в парке творится что-то неладное? Как убедить, что в «Жерле» опасно, не имея никаких доказательств? Есть только цепочка странных совпадений и животный, всепоглощающий страх потерять последний крошечный осколок семьи.

– Там опасно, – глухо выдавила Ронда, чувствуя на себе тяжелый взгляд малахитовых глаз.

Шаги секундной стрелки в повисшей тишине были громче выстрелов. Ронда успела насчитать двадцать два щелчка прежде, чем Этель заговорила.

– Я не катаюсь на аттракционах, если ты об этом. Знаю, там все установили всего за ночь, это опасно, и бла-бла-бла, но в «Жерле» я не развлекаюсь, а помогаю людям, которым становится плохо. Кого-то укачивает, кто-то падает в обморок от жары, кто-то разбивает коленки в кровь...

– Я не об аттракционах, – грубо перебила Ронда.

– А о чем? – нервная улыбка Этель дрогнула. В глазах застыл блеск. Не то злость, не то слезы. – Боишься, что на меня вырвет кого-нибудь после «Вертушки»? Или, может, переживаешь, что сорвусь и потрачу все наши деньги на попкорн и сладкую вату из палаток? Или...

– Прекрати!

Ронда, до этого устало потиравшая переносицу, вдруг ударила по столу. Кружки коротко звякнули. Чай выплеснулся из них мелкими коричневыми лужицами.

Этель не понимает. И не поймет.

Сестра не видела все записи, которые сделала Ронда. Не думала ночами о том, что десятки жизней внезапно прервались без причины, а судьбы людей, которые еще вчера гуляли по улицам, ходили в продуктовый, возвращались к своим семьям... Превратились в короткие сводки и сухие факты.

Они стали несколькими абзацами рядом с черно-белым фото. От десятков судебных не осталось ничего, кроме тире между двумя датами.

Почему это случилось? Почему абсолютно здоровые люди беспричинно перестали существовать? Почему всех их, таких разных и чужих друг для друга, объединил луна-парк на окраине Фирбси?

Комната покачнулась, когда Ронда представила, что через месяц-другой на ее доске появится новый лист с именем Этель. Она не попадет в группу преступников, не окажется рядом с наркоманами или алкоголиками. Трудным подростком Этель тоже не назовешь. А вот в «компанию» травмированных, убитых горем прошлого обе сестры впишутся отлично.

Подумав об этом, Ронда невольно посмотрела в лицо Этель. Но не в ее зеленый здоровый глаз, а на тот, что был отмечен бельмом слепоты. Он – отпечаток боли и вечное напоминание об ошибке Ронды.

Она не допустит еще одну.

– Это сложно объяснить, но я постараюсь. А ты постарайся поверить мне, Этель. В парк тебе ходить больше нельзя.

– Почему? – Этель медленно встала, не сводя глаз со старшей сестры.

Лицо Ронды резко осунулось. Она будто постарела в один миг на десяток лет. Сердце тревожно сжалось, ведь Ронда знала – все, что она сейчас скажет, не будет иметь веса. У

нее нет доказательств. Ни для Этель, ни для Ааррона, ни для отдела полиции, ни для самой себя.

Есть только догадки, подозрения и...

– Паранойя. У тебя паранойя, Ронда, – с печалью в голосе и болью в глазах выдохнула Этель. – *С того* дня ты словно умом тронулась. Я перестала тебя понимать. За чем ты гонишься?

– Я хочу покоя для нас с тобой и справедливости для всех.

– Ты не можешь контролировать весь мир, – грустно качнула головой Этель, и свет желтой лампы отчетливо осветил ее изуродованное шрамами лицо.

– Не могу, – Ронда тоже встала из-за стола. – Но мне и не нужно контролировать весь мир. Дай мне защитить тебя.

Этель пораженно умолкла. Ее глаза расширились, а с губ сорвался шумный вздох. Но замешательство девушки длилось лишь долю секунды, а потом она нервно прыснула:

– Защитить от чего, Ронда? Я не ребенок, а ты – не моя мать. Я не обязана тебя слушаться. Но если скажешь все прямо, обещаю подумать над твоими словами.

Некоторое время они обе молчали. Этель ждала, а Ронду, невозмутимую снаружи, разрывало изнутри. Как сказать сестре правду? Да и стоит ли это делать?

Наконец она осмелилась. Стиснула ладони в кулаки, выпрямила спину, будто была на отчете, и на одном дыхании выдала:

– За месяц умерло девятнадцать, – Ронда запнулась,

вспомнив о видео от Ааррона, которое так и не успела посмотреть, и исправилась: – Двадцать. За месяц умерло двадцать человек, которые побывали в «Жерле». Смерть наступила на фоне полного здоровья, причины гибели не установлены, но все умершие посещали парк. Я думаю, что эти события как-то связаны, но пока не понимаю как. Одно могу сказать точно: в «Жерле» опасно. Да и от старого театра лучше держаться как можно дальше. Раньше там часто прятались бездомные. Мало ли кто там может ошиваться сейчас? Поэтому, пожалуйста, Этель, забудь о своем волонтерстве. Мы накопим на эти курсы, все будет хорошо. Только не ходи в парк, умоляю.

Сказав это, Ронда часто и шумно задышала. Она чувствовала себя так, будто пробежала сложный кросс: дыхание сбилось, сердце тарабанило о ребра, а в висках гремел пульс.

Ронда могла бы подумать, что время остановилось: мир словно замер. Но шумные часы выдавали каждую прошедшую секунду, которую сестры провели в тяжелом молчании.

– Бред, – спустя почти минуту заключила Этель. – С тобой все намного хуже, чем я могла подумать.

– Этель...

– Смирись уже с тем, что случилось семь лет назад! Прекрати искать подвох там, где его нет, лишь бы загладить несуществующую вину перед этим миром и передо мной! И дай мне наконец жить спокойно!

Прокричав это, Этель выскочила в коридор. Ронда хоте-

ла броситься за ней, но ноги будто приросли к полу. Она пустым взглядом смотрела на остывшие блины и пролитый чай.

Оцепенение спало лишь тогда, когда хлопнула входная дверь. Ронда рухнула без сил на стул и схватилась за голову.

– Что я наделала?..

Глава 6

Этель

Она еще не успела нажать на звонок, а дверь уже распахнулась. Каспер стоял на пороге и так же, как и Этель, удивленно молчал.

– Уходишь? – вместо приветствия спросила она, окинув Каспера взглядом.

Джинсы на стройном и высоком парне смотрелись мешковато, как и свободная синяя футболка. На одном плече Каспера висел рюкзак, из которого торчала темная толстовка. Уже вечерело, и ночью на улице, несмотря на жаркий день, будет прохладно. Значит, Каспер уходит надолго.

– Ты не предупреждала, что придешь сегодня, – вместо ответа напомнил Каспер. Он потоптался на пороге и пригласил Этель войти.

Из дома доносился шум включенного телевизора и голоса родителей Каспера. Этель прикусила губу, вспомнив о том, что семья Элон, как и все вокруг, считают Каспера и Этель парой. Если она примет приглашение и войдет, снова придется врать. Но это лучше, чем вернуться домой и остаться с Рондой наедине. Сестра совсем свихнулась...

– Возникли внезапные проблемы. Поругались с Рондой, – губы скривились в грустной полуулыбке. – Но, если тебе на-

до идти...

– Все в порядке! Мои дела подождут, а вот твое разбитое сердечко нужно срочно залечить, – Каспер бросил на пол собранный рюкзак, как бы показывая, что готов отложить все планы ради подруги. – Сегодня я в вашем распоряжении, миледи!

Замок на рюкзаке чуть разошелся, и краем глаза Этель заметила лежащий в нем блокнот с коричневой обложкой. Она на секунду нахмурилась: Каспер и блокнот? Что-то новенькое. Однако Этель забыла об увиденном в тот же миг, когда Каспер схватил ее за руку и затащил в дом.

Этель было не по себе оттого, что она нарушила планы Каспера. Она уже хотела снова, второй раз за вечер сбежать, но у лестницы ее заметила мама Каспера.

Миссис Элон и ее сын совершенно не похожи. Каспер – высокий, смуглый, голубоглазый и с волосами цвета горького шоколада, а его мать – низкорослая, пухлая блондинка. Единственное, что у них есть общего, – это солнечный характер.

Этель уже привыкла, что каждый визит к семье Элон начинается с крепких объятий. Сегодняшний вечер не стал исключением. После теплого приветствия последовали банальные вопросы: об учебе, лете, планах и, разумеется, о Каспере.

– Он тебя не обижает? – стрельнув на сына смешливым взглядом, спросила миссис Элон. – Ты, если что, говори,

не стесняйся. Мы с Норманом этому оболтусу мигом мозги вправим.

– Ну, мам, – Каспер картинно закатил глаза и взъерошил темноволосый затылок.

Этель же, смеясь, отмахнулась:

– Пока без происшествий, миссис Элон.

Еще немного поболтав с ребятами, мама Каспера убежала на кухню, где ее муж умудрился проворонить яблочный пирог. Теперь по дому тянулся запах гари и туман дыма. Причитания миссис Элон над подгоревшим блюдом были слышны даже со второго этажа, где и находилась комната Каспера.

– *Пока без происшествий?* – процитировал недавние слова Этель Каспер, когда они оказались за закрытой дверью его спальни. – *Пока?!* Самая отвратительная формулировка из всех отвратительнейших формулировок. Могла бы просто сказать, что я душка.

– Ты прекрасно знаешь, что в это никто не поверит, – Этель швырнула на пол рюкзак, который не разбирала со вчерашнего дня. Сама она рухнула в кресло у компьютерного стола, заваленного мангой про скейтеров.

– Я не хулиган.

– Не спорю, – пожала плечами Этель.

– И даже не раздолбай.

– Но ты балбес.

Каспер подозрительно сощурился и крутанул кресло, на котором сидела Этель, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Это еще почему?

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. А ты своих друзей видел? – вопросом на вопрос ответила Этель. Лицо Каспера мигом осунулось.

Она не сомневалась, что парень и сам понимает, с какой компанией связался. Кучка влиятельных отморожков с богатыми родителями. Статус и деньги – вот решающие критерии для таких людей, испорченных и прогнивших.

Этель боялась, что подобное общество плохо скажется на Каспере. Она знала, что он вписывается в свиту лишь за счет яркой внешности, спортивных успехов и богатых родителей. В остальном Касперу рядом с друзьями приходится притворяться: строить из себя одного из королей университета, а Этель – играть роль его девушки.

Но она знала настоящего Каспера. Любила друга всем сердцем и боялась, что свита постепенно, как вода точит камень, изуродует его характер и исказит душу.

Может, это уже происходит? Каспер подружился с Этель в то же время, когда поступил в университет и затесался в свиту. Она могла и не заметить изменений, которые произошли в Каспере за этот год.

– Ты мой друг, – глядя Этель в глаза, серьезно произнес Каспер.

Она улыбнулась, но очень коротко, едва уловимо.

– А свита? Ты с ними и в универе, и в выходные, и даже летом. Они мне не нравятся.

Каспер открыл рот и набрал полную грудь воздуха, собираясь что-то сказать, но промолчал. Он помрачнел и отвел взгляд к окну, за которым уже окончательно стемнело.

– Ты ведь к ним сейчас собирался идти, да? – следя за Каспером, спросила Этель. Она вспомнила о блокноте, который случайно увидела в рюкзаке, но об этом решила не упоминать. Просто потому, что не понимала, есть ли связь между свитой и этой находкой.

– Да. К ним, – после недолгого молчания кивнул парень и прямо в одежде завалился на кровать.

Он уткнулся лицом в подушку и обхватил ее руками, крепко вцепившись побледневшими пальцами в ткань. От Этель не ускользнуло то, как Каспер напрягся всем телом. Его грудь тяжело вздымалась, очерчивая каждый глубокий вдох. Кадык дрогнул, когда парень с трудом сглотнул и снял подушку с лица.

На его губах играла улыбка, но голубые глаза, всегда такие теплые и лучистые, сейчас точно затянуло сизыми тучами.

– Что случилось, Каспер?

Его улыбка едва заметно дрогнула. Но затем Каспер как ни в чем не бывало провел рукой по кофейным волосам и невинно улыбнулся:

– Что случилось? Когда? – непонимающе выгнул брови он, но Этель видела притворство в чуть прищуренных голубых глазах и в уголках губ, что дрожали от напряжения.

Даже если интуиция не обманула Этель и сегодня у Кас-

пера что-то произошло, он не расскажет. Не готов? Боится?

Нет, он расстроен и подавлен, догадалась Этель, глядя в помрачневшие аквамариновые глаза друга. Каспер разбит и не станет говорить, пока снова не соберет себя по осколкам.

Такое уже было однажды, в конце первого семестра. Тогда какая-то девчонка из университета Каспера не угодила свите. Бедняга перешла дорогу кому-то из девушек компании, и вся свита отомстила за подругу. После экзамена они прокрались в кабинет преподавателя и испортили работу провинившейся студентки.

Каспер помогал украсть ключ и стоял на стреме, пока его дружки подстраивали исключение и ломали девчонке жизнь за косой взгляд.

После того случая Каспер был сломан несколько недель. Чуть не завалил отборочные соревнования, напился и только будучи вдребезги пьяным признался во всем Этель.

Она не забудет, как неслась по ночным дорогам на роликах к спортивному центру, умоляя Каспера не класть трубку, пока она не приедет. Не забудет, как кралась мимо спящего охранника, чтобы найти Каспера, сидящего в насквозь промокшей одежде на бортике бассейна. Не забудет, как дрожал голос Каспера в ту ночь. Как он задыхался в слезах, пока его рыдания слушали только Этель и стены пустующего ночью бассейна.

Но еще до конца дней она будет помнить, как раскаяние в голосе Каспера сплелось с отчаянием.

– Если бы мне дали выбор, я бы сделал это снова, – тогда сказал он, сидя рядом с Этель.

Она и сейчас помнит, как заледенела после этих слов. Ноги, опущенные в воду почти по колено, покрылись мурашками, а дыхание перехватило.

– Зачем ты связался с этими уродами? – тогда спросила Этель, глядя в глаза, в которых отражалась подсвеченная вода бассейна, из-за чего голубая радужка казалась еще ярче. – Ты ведь не такой... Ты хороший парень.

– Никто не замечает хороших парней. А я хочу, чтобы меня любили. Чтобы мной восхищались. Ведь, может, тогда я... перестану считать себя ошибкой.

Миллионы слов кружились в голове Этель.

Чужое признание не сделает тебя счастливее. Любовь к себе не измеряется любовью окружающих. Ты не сможешь полюбить себя, пока плянешь под дудку короля свиты, пока ты делаешь ужасные вещи, заставляя свою душу гнить. В погоне за популярностью ты лишь отдаляешься от себя настоящего.

Почему?

Почему ты не можешь принять себя, Каспер?

Сотни отдадут все, чтобы быть хоть немного похожими на тебя. У тебя есть все. Так к чему эти маски, которые носишь ради свиты? Что ты хочешь спрятать, пока бросаешь всем вокруг пыль в глаза?

Но ничего из этого Этель не произнесла вслух. Она мол-

ча обняла друга, чувствуя, как ее одежда тоже намокает, но только прижалась к нему еще крепче. От Каспера сильно несло алкоголем, вода из бассейна резко пахла хлоркой. И именно эта смесь запахов крепко засела в голове Этель.

Так пахло отчаяние.

Сегодня Каспер был трезв, а в комнате пловца и близко не пахло хлоркой. Однако на какую-то секунду Этель показалось, что она учуяла знакомую смесь.

Она снова не стала задавать никаких вопросов. Пересела с кресла на кровать, поближе к Касперу. Он не сводил с нее внимательного взгляда, а со смуглого лица не исчезала натянутая улыбка. Но Этель точно знала, что эта маска напускного веселья сползет с лица друга, стоит ей заключить его в объятия.

Несколько секунд он хрипло смеялся, будто не понимая, что происходит. Притворялся, и Этель это знала. Она крепче обняла друга и закрыла глаза, когда он тоже обхватил ее руками.

– Спасибо, – шепнул Каспер слабым, надтреснутым голосом.

– Я могу уйти, – прижавшись лбом к виску друга, сказала Этель и попыталась отстраниться.

Она помнила, что Каспер куда-то спешил, когда она возникла на пороге. Теперь Этель точно понимала – это что-то важное. Она не хотела, чтобы ее мелкие проблемы как-то отразились на серьезных планах Каспера. Но он не позволил

ей отодвинуться.

– Все нормально, – его ладони крепче сжали плечи подружки. – Сегодня мы нужны друг другу.

– Спасибо, – на этот раз слово шепотом сорвалось с губ Этель.

Иногда, даже в самых сложных ситуациях, слова – это лишнее, а для поддержки достаточно просто быть рядом. Дружба с Каспером давно ее этому научила.

* * *

Этель проснулась еще до того, как звук будильника из тихой вибрации превратился в оглушительную трель. Она присела на широкой кровати, на которой снова спала одна, и посмотрела на Каспера. Друг безмятежно сопел на полу, широко раскинув руки и ноги. Настоящая морская звезда.

Этель улыбнулась этой мысли и на цыпочках прокралась в ванную комнату, чтобы собраться там. Она помнила, что у Каспера сегодня важная тренировка – подготовка к летним межуниверситетским соревнованиям по плаванию, но будить друга еще рано. Его тренировка начнется гораздо позже, чем волонтерская смена Этель.

Весь прошлый вечер она не думала о ссоре с Рондой. Каспер не давал мрачным мыслям и шанса проникнуть в голову Этель: он много болтал, показывал видео с трюками, которые хочет выучить на скейте, а потом настоял на том, чтобы

устроить киноночь.

— Надо отдохнуть. Тебе — перед сменой, а мне — перед тренировкой, — решил Каспер и включил «Евангелион», который они смотрели, пока оба не уснули.

Однако когда Этель на роликах неслась к «Жерлу» по полупустым утренним улочкам, от тревог было не убежать. Ссора с сестрой проигрывалась в воспоминаниях снова и снова, отчего каждый раз слова Ронды в воспоминаниях звучали все абсурднее.

«Смерть наступила на фоне полного здоровья, причины гибели не установлены, но все умершие посещали парк. Я думаю, что эти события как-то связаны, но пока не понимаю как».

Этель скривилась.

Как парк может быть связан со смертями? Это глупость. Бред. Ронда совсем сошла с ума. И хуже всего то, что сестра верит в эти сказки, которые сама же придумала, пытаясь структурировать весь мир.

По мнению Ронды, все поддается анализу, все можно уложить в строгие рамки графиков и формул. Ведь то, что можно анализировать, то, у чего есть понятная и четкая схема, легко можно контролировать.

Только вот жизнь не поддается таким законам. Случайности случаются. И Этель не станет забиваться в угол просто потому, что Ронду спустя семь лет не отпускает паранойя и чувство вины.

Но как бы уверенно Этель ни думала о своем решении, на душе было беспокойно. Она переживала из-за ссоры и из-за того, что сбежала к Касперу, бросив Ронду одну. Они с сестрой друг для друга – последние близкие люди.

Этель надеялась, что в парке получится отвлечься. Думала, что работа увлечет и на воспоминания о дурацком конфликте не будет времени. Но, как назло, день тянулся слишком спокойно. Никто не расшибал колени, упав с батута, не перегревался под солнцем и, объевшись до отвала сахарной ватой, не страдал от аллергии на сладкое.

Скучно. Да еще и время издевательски замедлилось – цифры на часах в телефоне совсем не желали сменять друг друга.

Этель, сложив ноги на ярко-оранжевый ящик аптечки, сидела на пункте медицинской помощи в тени красного зонта. Она безучастно смотрела на проходящих мимо людей, уже никак не реагируя на цветастые аттракционы, смех и визги посетителей.

Она смотрела в одну точку, пытаясь поставить себя на место Ронды. Неужели сестра и правда уверена, что парк как-то связан со смертями? Даже если отбросить логику и допустить такую вероятность, ситуация становится только сложнее.

Ронда – помощница детектива. Она не раз бывала на местах преступлений и прекрасно знает, что дыма без огня не бывает. У каждой смерти есть причина: изношенность орга-

низма, болезнь, травма, намеренный вред... Не может быть такого, чтобы не один десяток людей просто перестал существовать, точно по щелчку пальцев – без следа недуга или насилия.

Но даже если так...

Почему далеко не глупая Ронда, которая обожает структурировать информацию, свихнулась на совершенно дурацкой идее? Почему она твердо уверена, что дело именно в парке?

Этель в очередной раз заставила экран смартфона вспыхнуть. Она отключила звук, не желая разговаривать с сестрой, если та позвонит, но в итоге все равно ежеминутно проверяла – а не пропустила ли сообщение от Ронды? Но ни сообщений, ни пропущенных звонков не было.

Это хорошо? Ронда дала Этель свободу и отстала со своими навязчивыми идеями.

Или плохо? Ронда придет в парк, и тогда...

Этель тряхнула головой и зажмурилась. Карусель, напротив которой и ютился пункт медицинской помощи, в сотый раз за день поднялась ввысь. Этель сидела с закрытыми глазами, но перед ними все равно стоял ярко-красный столб и топ-зонтик, от которого опускались цепи для сидений.

Хватит. Нужно уже избавиться от мыслей о сестре, о ее глупых предостережениях и страхах, пока они не передались и Этель.

Под раскладным стулом валялся рюкзак Этель, из которого она, нагнувшись, достала тонкую тетрадку и ручку. Вы-

рвала неровный клочок размером с половину ладони, затолкала тетрадь обратно в рюкзак и пяткой одной ноги уперлась в сиденье, чтобы коленка оказалась почти напротив лица. Положив на нее клетчатый обрывок, Этель написала: «*Чужие страхи. Ограничения. Пустые ссоры*».

Писать буквально на коленке было совершенно неудобно. Ручка в паре мест проколола листок, паста измазала кожу. Буквы вышли неровными и кривыми.

Но Этель и не стремилась к аккуратности. Этой записке все равно суждено сгореть.

Записывать хорошие мысли, мечты и благодарности каждому дню, а затем обращать эти листочки в оригами журавлей. Выливать на бумагу темные эмоции, страхи и обиды – чтобы сжечь.

Такой совет дал Этель один из многочисленных психологов, которых она посещала после трагедии семилетней давности. Школьные психологи часто менялись, как и их подходы. Этель даже не успевала понять, какие из методик действительно работают. Но один-единственный совет все-таки приняла, превратила в привычку и пронесла через годы.

Она и не помнит, в какой момент перестала понимать, почему продолжает украшать комнату бумажными журавликами, внутри каждого из которых написано что-то хорошее: воспоминание, чувства, желания... Оригами в комнате Этель заняли почти все пространство. Бумажные птицы парили под потолком, ими оказались забиты выдвижные ящи-

ки и книжные полки. Иногда журавликов можно было случайно найти в комодѣ или под матрасом.

Этель не выбросила еще ни одного журавлика, ведь каждый из них – вещественное доказательство того, что счастье есть. Оно в мелочах, которые люди порой забывают замечать.

Будучи несчастной в глубине души, Этель топила горе реальности в бумажных птицах, заполонивших комнату осиротевшей девушки.

Но как Этель не выбросила ни одного журавлика, так и не избавилась от пепла, что оставался от сожженных записок. Его Этель хранила в большой стеклянной банке из-под кофе, которую прятала на верхней полке стеллажа.

Когда она только начинала «жечь негатив», то и не думала, что однажды пепел дойдет до самого горлышка. Однако это случилось, и Этель уже подыскивала новый сосуд для праха своих страхов и печалей.

Знает ли Ронда о том, что за баночка хранится в комнате ее младшей сестры? Догадывается ли, что часть пепла в чем-то посвящена и ей?

Ронда...

Этель сильно стиснула ручку и случайно, кончиками пальцев смяла края записки. Плевать. Все равно она и без того уродлива: неровная, рваная, продырявленная ручкой и пропитанная болью.

Как только Этель найдет спички или зажигалку, эта за-

писка обратится в пепел. Этель не терпелось избавиться от нее как можно скорее, испытать облегчение, видя, как пламя пожирает ее боль, излитую на бумагу.

Новая боль – новый пепел. И уже все равно, что его Этель не сможет заточить в стеклянную баночку – темницу других переживаний. Пусть этот пепел развеет ветер. Только бы поскорее избавиться от давящей тоски и в привычном ритуале хотя бы внушить себе облегчение.

[illegible]

взгляд от записки и вздрогнула, услышав резкий приступ чужого кашля. Сначала Этель подумала, что из-за того, что какое-то время смотрела в одну близкую точку, зрение ее обманывает. Она несколько раз моргнула, но видение не исчезло, и Этель широко раскрытыми глазами уставилась на мужчину, который торопливо шел по дорожке в сторону выхода из парка.

Никто не обращал на него внимания, будто не замечая огромных жуков, ползающих по незнакомцу. Он нервно пытался сбросить их с себя, но черные размером с кулак тараканы заползали в рот, пытались забиться в уши, нос и глаза. Насекомые ныряли под одежду, а те, что все-таки падали на землю, – хрустели, если мужчина наступал на брюшки, покрытые глянцевыми щитками.

Но жуков все равно было слишком много.

Мужчина зашелся булькающим кашлем. Он хрипел, задыхаясь, пока наконец не выплюнул жука. Тот, измазанный слюной, упал на землю, а затем снова бросился к несчастному и по штанине начал забираться вверх.

Этель трясло от отвращения и страха. Сердце безумно колотилось. От ужаса она забыла, как дышать, и ее легкие не впускали ни один вдох.

А люди просто проходили мимо, не обращая внимания на мужчину, откашливающего мерзких, неестественно огромных насекомых.

– Дядя болеет? – спросил какой-то мальчик, которого за

обе руки в парк вели родители.

– Да, дядя простудился, – Этель не смотрела ни на кого, кроме того мужчины, но по голосу матери мальчика слышала – она улыбается. – Наверное, гулял под дождем без зонтика.

Этель передернуло. Неужели... Неужели никто не видит?!

«Я сошла с ума».

Руки ослабли, и случайный порыв ветра вырвал из пальцев записку. Однако Этель не отвела глаз от ужасного видения, пока в чувство ее не привел незнакомый голос, прозвучавший совсем рядом:

– Ты обронила.

На расстоянии вытянутой руки стоял парень. Почти такой же высокий и стройный, как Каспер. Но в отличие от подкачанного друга-спортсмена, незнакомец выглядел почти болезненно худым. Может, все дело в слишком светлой коже? Или такое впечатление создалось из-за очень тонких рук и длинных, музыкальных пальцев, в которых брюнет сжимал унесенную ветром записку?

– Спасибо, – непослушными губами произнесла Этель и протянула руку, чтобы забрать бумажку.

Она смотрела на чужие руки, но видела все того же мужчину. Пугающее видение, которое, похоже, явилось лишь Этель.

Или, может, ей все-таки показалось?

Не опуская протянутой руки, Этель обернулась, чтобы найти в толпе подтверждение своего безумия. Однако муж-

чина растворился среди потока прохожих и исчез, будто никогда и не существовал.

Смешанные чувства затопили сознание Этель. Ускользнувший призрак – растворившееся видение или доказательство того, что девушке все просто привиделось?

Рука дрогнула, и кончики пальцев Этель случайно задели чужую ладонь. Распаленную летним солнцем кожу обожгла прохлада. Этель показалось, будто она коснулась кубика льда. Пальцы замерли в прикосновении на секунду дольше положенного, и лишь потом Этель отдернула руку.

– Тебе холодно? – Она вскинула удивленный взгляд и впервые посмотрела в глаза парня. В них переливалось расплавленное золото.

На какой-то миг Этель подумала о том, что будь солнечные лучи материей, то выглядели бы они именно так. И как же странно, что тот, кто носит в себе солнце, сам мерзнет в июньскую жару.

– Что? – оторопел парень и сделал шаг назад. Он смотрел на Этель, широко раскрыв желтые глаза, будто девушка была миражем или уродцем.

«Уродцем», – слово прозвенело в сознании эхом. Рука взметнулась к лицу, чтобы в привычном жесте скрыть отвратительные шрамы и слепой глаз.

Щеки Этель вспыхнули. Реакция незнакомцев на ее внешний вид всегда оставляла на душе нехороший осадок. Каждый жалобный или стыдливо отведенный взгляд – пощечи-

на. Но еще хуже, когда кто-то отшатывается в ужасе или не может сдержать изумления. В такие моменты Этель чувствовала себя брошенной сломанной куклой: она некрасива, и это отталкивает.

Сейчас понимать это было вдвойне обидней. Незнакомец понравился Этель с первого взгляда. И хоть она ощутила себя при этом наивной идиоткой, но впервые в жизни ей показалось – предназначение существует. Всего одно касание и взгляд глаза в глаза, а Этель уже была уверена, что это ее человек.

Это как влюбиться в книгу с первой строки, в мелодию – со вступительных нот. Ощущение чего-то близкого и родного, пойманное в мгновение, когда приходит осознание – это похоже на меня. В чем-то *это и есть я*.

Этель не могла избавиться от чувства, что у нее и этого парня есть что-то общее. Не просто одинаковые вкусы, а нечто гораздо более глубокое.

Как наивно и глупо...

– Если тебе плохо – скажи, – произнесла Этель, стыдливо спрятав лицо за водопадом медных волос. Она почувствовала, как от прилившей крови запылали щеки, и с досадой прикусила губу. – У тебя руки совсем холодные! Ледышка!

Даже надеяться не стоило, что парень хоть на секунду ощутил то же, что и Этель. Она просто перегрелась и теперь бредит. Случайный прохожий просто помог ей, подняв упавшую записку, а Этель уже насочиняла сказок.

Она вздрогнула, когда снова слышала голос, похожий на шелест ветра в сухой осенней листве:

– Ты правда это почувствовала? Тебе не показалось?

Странное смущение, стыд за собственное уродство и недоумение смешались в вихорь чувств. Этель, позабыв, что прятала шрамы за каскадом волос, вскинула голову и посмотрела прямо в глаза парня. Они сверкали золотыми монетами из-под растрепанной ветром челки.

– Могу измерить температуру. Похоже, у тебя озноб.

Угольные брови парня дернулись вверх, а рука Этель – к ящичку с лекарствами. Там же был градусник, но достать его Этель не успела.

– Ты не помнишь меня? – Парень так резко сел на корточки, что чуть не стукнулся о лоб Этель своим. – Мы не встречались раньше?

Она отпрянула, шумно вздохнув. Что поразило ее больше? Внезапный порыв незнакомца? То, что его совсем не смутили ее шрамы, и теперь он так открыто смотрит в ее лицо? Или вопрос, который начал волчком крутиться в голове?

Маленькие серебряные кольца в одном ухе. Глаза с невероятными, будто отлитыми из драгоценного металла радужками. Острый тонкий нос. Растрепанные короткие черные волосы.

Этель опустила глаза от лица парня, скользнув взглядом по темной футболке и расстегнутой черно-красной рубашке в клеточку. Она будто пыталась вспомнить незнакомца хотя

бы по одежде, но уже знала ответ.

– Нет. Мы никогда не встречались.

Парень внимательно вглядывался в лицо Этель, будто пытаясь прочесть ее мысли. Его прямой, пристальный взгляд настолько ошарашил девушку, что она невольно смутилась.

Что все это значит? Неужели Этель не одна что-то почувствовала?

– Да. Похоже, ты права. Это наша первая встреча.

Совершенно неожиданно его бледное лицо озарила улыбка, и парень сжал горячие ладони Этель в холодных своих.

– Меня зовут Ви. Если не забудешь это имя, приходи в субботу вечером к театру.

Прежде чем Этель успела ответить, парень, назвавшийся Ви, поднялся и ушел, слившись с толпой посетителей парка.

Она оторопело смотрела ему вслед, и все ее мысли тонули в воспоминаниях о колдовском золоте глаз. Она могла бы забыть об обещанной подругам встрече, о том, что собиралась пойти на вечеринку свиты вместе с Каспером, о просьбах Ронды не наводить порядок на ее столе...

Но как можно забыть имя, состоящее всего из двух букв, и этого странного парня, которому оно принадлежит?

Ви.

Нет, она точно знала, что не забудет. Это имя сбило сердце с размеренного ритма, и теперь оно забилось горячо и часто, каждым ударом обещая: «Я приду. Обязательно приду».

Глава 7

Каспер

Дарен Йоркер.

Имя, увиденное на квитанции, спрятанной между страниц чужого блокнота, уже второй день не выходило из головы Каспера. Он повторял его, пока перед глазами стояли недавние сцены издевательств: занесенный кулак Тобиаса, смех членов свиты и бледное, испачканное кровью лицо Йо...

Нет, не Йо. Дарена.

Каспер не собирался рыться в вещах Йоркера. Какое-то время он и вовсе недоумевал: зачем взял чужой рюкзак и блокнот? Почему не оставил на парковке у парка? Но ответы на эти вопросы ждали в воспоминаниях, на той самой парковке, куда Каспер даже мысленно возвращаться не хотел.

Он тайно ликовал, когда выяснилось, что свита упустила Дарена. Тихоня курса скрылся от погони и словно сквозь землю провалился, а вся компания осталась в недоумении.

– Ускользнул, – в тот день бурчал Вальетти, когда свита собралась у главных ворот парка.

– Я видел его у фонтана, а потом, – попытался оправдаться долговязый и рыжеволосый Зак. Но его перебил Тобиас:

– А потом вы, недоумки, его упустили! Этот выродец просочился через забор и смотал, пока вы тупили!

Тогда и парни, и девушки свиты прикусили языки. Клео и Хильда понуро опустили головы. Зак недовольно поморщился, но все же проглотил ругательства, которые просились сорваться с губ.

Каспер тоже заткнул все слова куда подальше. Во-первых, потому что спорить с Тобиасом и злить его – гиблое дело. Во-вторых, Каспер не мог отделаться от чувства, будто он хотел сказать нечто важное, но забыл, что именно. Это чувство преследовало его до сих пор, хотя прошел не один день.

Суматошная сцена в парке – калейдоскоп гнева и ненависти. Однако Каспер чувствовал, что во всем этом остался какой-то пробел. По его памяти словно прошлись ластиком, и из-за этого картинка прошлого казалась неполноценной. Искусственной.

Но ощущали ли нечто подобное остальные?

– Мы найдем его, – неуверенно пообещала Клео, но Тобиас только пренебрежительно махнул рукой:

– Не сомневаюсь.

Этот ответ не давал Касперу покоя. Если Тобиас Вальетти всерьез возьмется за Дарена – тихоне конец.

Йоркер оступился, но не сделал ничего, за что его стоило бы ненавидеть и втоптывать в грязь. Но Тобиас – разбалованный сын главного судьи Фирбси и последний отморозок. Он со своей свитой портил жизни и за меньшие провинности. А Дарен конкретно накосячил... Теперь Тобиас не оставит его в покое, пока не отыграется за заваленный зачет, подмо-

ченную репутацию и игру в догонялки, которая Вальетти порядком наскучила.

Вопрос лишь в том, насколько Дарен вывел Тобиаса из себя. Прибегнет ли Вальетти к помощи и статусу своего отца, чтобы быстро нарыть информацию на Йоркера, или у того еще есть время, чтобы забиться в угол потемнее?

Таймер спокойной жизни Дарена тикал в голове Каспера так оглушительно громко, что даже спустя два дня он едва ли мог думать о чем-то другом. Тонкий, как струна скрипки, и бледный, как луна, Дарен прочно поселился в голове Каспера.

«Во всем этом есть и твоя вина», — шелестел в мыслях знакомый голос. Каспер хорошо его знал — так звучала совесть.

Каспер не мог перестать вспоминать, как носился по парку, пытаясь найти Дарена. Для чего? Чтобы сдать свите или помочь сбежать?

Он хорошо знал ответ на свой вопрос, как и то, что помочь Дарену не сумел тогда и не сможет спасти его от Тобиаса потом. К тому же Йоркер пропал. Растворился в толпе парка и исчез прямо из-под крысиных носов свиты. О Дарене не было никаких новостей, и Касперу хотелось верить, что это к лучшему.

Может, Дарен уехал на лето в другой город? Да, наверное, так и есть.

Но адрес, который Каспер прочитал в чужой квитанции, звал и маячил перед глазами, даже когда он пытался отвлечь-

ся на чтение манги или скейт.

Координаты жилища Дарена постоянно стояли перед внутренним взором, как назойливый квест, висящий в углу экрана. Очень скоро Каспер возненавидел тот момент, в который решился поднять чужой блокнот, и проклял сам себя за то, что сглупил и пролистал записную книжку. Если бы он не знал, где живет Дарен, в нем бы не вспыхнуло это непреодолимое желание сорваться с места и помчаться на противоположный конец города сию секунду.

Зачем?

Каспер не знал, почему сгорает изнутри от этого желания, хотя догадывался, что своим визитом хотел успокоить и заткнуть совесть. Всего-то нужно увидеть, что Дарен в порядке. Что до него еще не добрался ни Тобиас, ни другие его друзья.

Но что он скажет, если окажется лицом к лицу с парнем, которого прилюдно избили лишь потому, что Каспер струсил?

Извини? Мне очень жаль?

Глупость. Дарену не нужны сожаления. Они не залечат разбитый нос и не спасут от Тобиаса, который в любой момент может устроить новую расправу.

Дарену не нужны сожаления. Ему нужен союзник... которым Каспер быть не может. Он не готов снова стать прошлой версией себя – одиноким ничтожеством и новым объектом для издевательств. Без свиты он никто.

Но как бы Каспер ни пытался забыть, оленьи карие глаза возникали перед взором всякий раз, стоило смежить веки. Он видел тонкое, со впалыми щеками лицо, покрытое веснушками, как капельками янтаря. И каждый раз в его видениях бледную кожу Дарена марали гранатовые брызги крови, а искусанные губы начинали дрожать.

Адрес залятьем повторялся в мыслях, гипнотизируя. И в конце концов Каспер не вытерпел: несмотря на поздний вечер и затухающий закат, он схватил рюкзак, закинул в него чужой блокнот и свою толстовку. Ехать на скейте долго, и хоть Каспер не планировал задерживаться у дома Дарена, возвращаться придется ночью. Будет холодно...

Он хотел лишь убедиться, что Йоркер дома. Цел и относительно невредим. Однако проверка сорвалась, и пытка совестью растянулась на долгие часы, ведь на пороге своего дома Каспер столкнулся с Этель.

– Уходишь? – вместо приветствия спросила она, окинув Каспера внимательным взглядом.

Внутри что-то болезненно сжалось, когда Каспер услышал надломленный голос Этель и взглянул в ее помрачневшие глаза, из которых исчезли яркие искорки чувств. Даже если он и собирался стремглав отправиться на другой конец города, сейчас это отошло на второй план.

– Ты не предупреждала, что придешь сегодня, – вместо ответа напомнил Каспер, но все же посторонился и пригласил подругу войти.

– Возникли внезапные проблемы. Поругались с Рондой, – Этель грустно улыбнулась и потупила взгляд. – Но, если тебе надо идти...

Ее печальный тон остро кольнул где-то под ребрами. Этель не единожды выручала Каспера и была рядом каждый раз, когда он в этом нуждался. Даже если Каспер об этом не просил вслух.

– Все в порядке! Мои дела подождут, а вот твое разбитое сердечко нужно срочно залечить, – Каспер бросил на пол собранный рюкзак, но это отозвалось щемящей болью в груди.

Он словно снова отвернулся от Дарена. Хотя... Йоркер не звал на помощь. Он просто будто сквозь землю провалился.

«Проверю его завтра, перед тренировкой», – подумал Каспер и через силу широко улыбнулся Этель:

– Сегодня я в вашем распоряжении, миледи!

* * *

На следующий день все снова пошло не по плану.

Каспер проспал, и времени на то, чтобы съездить к дому Дарена перед тренировкой, не осталось. Он наспех оделся, сбежал через ступеньку по лестнице на кухню, залитую полуденным солнцем, и через силу запихнул в себя мюсли с бананом. Еда вставала поперек горла, которое будто сдавила незримая рука. За последний год, который Каспер провел со свитой, он часто сталкивался с этим чувством, а потому

точно знал, какая эмоция его душит.

Сожаление.

Однако еще никогда груз ошибок и отвращения к самому себе не был настолько тяжел. Раньше Касперу удавалось отогнать темные чувства, но сейчас они словно захватили его в тугой невидимый кокон. Каспер задыхался в нем и слеп, пока перед глазами все ярче и ослепительнее мелькали сцены его ошибок.

Каспер так резко поднялся из-за стола, что стул с высокой спинкой с грохотом упал на деревянный пол. Пальцы побелели от того, насколько сильно они впились в столешницу.

Плевать на тренировку. И не волнует, что совсем скоро соревнования, где на кону повышенная стипендия. Он должен увидеть Дарена прямо сейчас. Если потребует, Каспер опросит соседей или залезет в окно. Он найдет способ скинуть с себя оковы сожалений, ключом от которых являлся Дарен.

Но стоило Касперу твердо увериться в своем решении, как в прогретой солнцем кухне запахло отцовским одеколоном.

– Ты сегодня опаздываешь, – мистер Элон поправлял лацканы офисного костюма.

Каспер сделал над собой усилие и натянуто улыбнулся. Губы дрожали, как и голос, когда он отмахнулся:

– Засиделись с Этель.

На какой-то миг Касперу показалось, что отец не поверил. Его стальные глаза прищурились, но в следующий миг губы

отца сложились в теплую улыбку.

– Молодежь, – покачал головой мужчина и, задумавшись о чем-то, пригладил темные волосы, слегка посеребренные сединой.

Каспер напряженно проследил за отцом, наблюдая, как тот скрывается в коридоре. Он уже потянулся под соседний стул к рюкзаку и мысленно просчитывал кратчайший маршрут до дома Дарена, когда мистер Элон снова окликнул:

– Каспер, шевелись давай! Подкину тебя до бассейна.

– Э-э? Чего? – глупо протянул он, так и застыв с рюкзаком посреди кухни.

Отец никогда не подвозил его на тренировки – спортивный центр и офис были расположены в совершенно разных районах Фирбси. Маршрут для такого путешествия по городу придется строить зигзагом и тратить уйму времени.

– Что «э»? Бегом в машину! У тебя тренировка с минуты на минуту!

Каспер ценил заботу отца, но принимать ее не хотел. Он все еще планировал впервые в жизни прогулять тренировку. Однако сорваться с крючка оказалось не так-то легко.

Когда Каспер вышел во двор и заглянул под крыльцо, чтобы достать свой скейт, доски в привычном месте не оказались.

– Уже в багажнике! – мистер Элон приоткрыл дверь авто и махнул рукой, поторапливая. – Запрыгивай!

Чем ближе Каспер подходил к машине, тем меньше ста-

новилося желание в нее садиться. Остановившись у распахнутой двери, Каспер нехотя признался:

– Я думаю пропустить сегодня тренировку. Так что езжай без меня.

– Ты приболел?

– Нет, просто... Может быть, совсем немного.

Отец положил руку на плечо Каспера и крепко сжал:

– Каспер, тебе не нужно притворяться. Если решишь оставить плавание и не участвовать в соревнованиях, мы с мамой пойдем.

Каспер заставил себя улыбнуться, хотя на душе стало тоскливо. Он начал заниматься плаванием, потому что пошел по стопам отца. И хоть тот сейчас подбадривал, поддерживая любые решения сына, Каспер не мог и не хотел разочаровывать родителя.

Зря он сразу об этом не подумал, когда решил сказать все прямо. Лучше бы улизнул потом, с парковки спортивного центра. А впрочем, что мешает ему так и поступить?

– Ладно, чего это я, – натянуто рассмеялся Каспер. – Со всем разленился за выходные.

– Все-таки едешь? – взгляд отца просиял, и Каспер облегченно выдохнул.

– Ага. Перед соревнованиями лучше не расслабляться.

Каспер занял переднее пассажирское сиденье. Всю дорогу он молча смотрел в окно и думал над тем, как уйдет со стоянки. Дождется, когда отец уедет, встанет на скейт и рванет

к Дарену. Однако и этот план рухнул, когда Каспер, стоя в тени раскидистого клена и наблюдая за удаляющейся машиной отца, столкнулся с опаздывающим тренером.

– Элон?! Почему прохлаждаешься вместо разминки?

Сердце замерло, чтобы в следующую секунду забиться с удвоенной силой. Из-за неожиданного появления тренера Грида Каспер упустил тот миг, в который его вранье еще могли бы принять за правду. Сейчас же отмазка прозвучала уж слишком натянуто:

– Мне сегодня в больницу надо. Зашел отпроситься.

Грид скрестил на груди загорелые руки. Для мужчины его возраста они были почти карикатурно жилистыми и массивными. Светлые кустистые брови тренера низко нависли над угольными глазами, в которых Каспер без труда прочел раздражение.

– За дурака меня держишь, Элон? – Грид без стеснения уцепился за воротник футболки Каспера и одним рывком направил его к входу в спортивный центр. – У тебя соревнования на носу, и только попробуй на них опозориться!

Пока Грид сыпал в спину ругательствами, Каспер не мог отделаться от мысли, что его просто швырнули, как метательное ядро. Только если ядро двигалось под действием физических сил, то Каспер мчался на чистой мотивации.

– Если через пять минут тебя, Элон, не будет в бассейне, после тренировки устрою тебе персональный марафон! Три часа потного счастья! Как тебе такое, а?

Свободных трех часов после тренировки у Каспера не было. Желание убедиться, что с Дареном все в порядке, зудело под кожей, разъедаая ее изнутри. Каспер был готов выслушать любые причитания: о том, какой он балбес и лжец, что его вышвырнут с соревнований, до которых остались считанные недели... Он бы даже не отказался пробежать злосчастный марафон! Но только не сегодня.

Но отвертеться от наказания не удалось. Мало того, что Каспер не уложился в отведенные пять минут на сборы в бассейн, так еще и всю тренировку был совершенно потерял. На разминке он поскользнулся на бортике и рухнул в воду, а во время основной тренировки все его мысли были заняты отнюдь не техникой движений и ритмом дыхания... Наглотавшись воды, Каспер чувствовал себя просто омерзительно, а потому во время заплывов на скорость показал худший результат в команде.

От запаха хлорки впервые в жизни кружилась голова.

– Плаваешь хуже новичков, – проскрежетал Грид, сидя на трибунах. Они выделялись в светлом зале алым пятном, как кровь на кафеле. – Возьми себя в руки, Элон!

Голос тренера эхом отлетал от высоких гладких стен и как пружина отпрыгивал от лазурной воды каждый раз, когда Грид сжимал кулаки и грозно выкрикивал фамилию Каспера.

– Элон!!! – звучало чаще, чем протяжный стон свистка.

К концу тренировки Каспер чувствовал себя так, словно

часть его мышц растворилась в воде. Не доплывая до ступенек, он подтянулся на бортике и вышел из бассейна, сразу же стянув синюю резиновую шапочку. Понуро опустив голову, он торопливо зашагал в сторону раздевалки, оставляя за собой мокрые следы.

– Стоять, – преградил дорогу Грид. – Марафон.

Зубы Каспера едва не хрустнули от того, с какой силой он сжал челюсти.

– Завтра, – выдавил он уверенную просьбу напополам с мольбой.

– Сейчас, – отрезал Грид и направился к тренерской. Уже через плечо он бросил: – Жду тебя на стадионе за центром.

– Тренер, я...

– Ты вылетишь из этой команды вместе со своими идиотскими отмазками, если скажешь еще хоть слово! – обернувшись, рявкнул Грид. Своим грозным видом он распугал других пловцов, что кучкой двигались к раздевалке.

Некоторые из них покосились на Каспера: кто-то с сочувствием во взгляде, а кто-то со страхом. Тогда-то Каспер и понял, что его случай – показательная порка.

– И так будет с каждым, кто на носу соревнований решит прогулять тренировку или витать в облаках во время заплывов! – подтвердил догадку Каспера Грид и скрылся за дверью, ведущей в коридор.

Еще несколько секунд Каспер так и стоял босиком на резиновом коврике, ощущая на себе косые взгляды. Внутри

свербел стыд, разбавленный злостью – на Грида за идиотское наказание и на себя за то, что его заслужил.

Каспер хотел улизнуть. Он даже был готов к тому, чтобы потом пробежать двойной марафон... Но не решился. Уже стоя в своей повседневной одежде посреди пустой раздевалки, Каспер ударил кулаком о стену.

Накатило новое чувство. Страх.

Но боялся Каспер отнюдь не тренера и не того, что его вышвырнут из университетской сборной. Он страшился наконец столкнуться с Дареном лицом к лицу и увидеть в его карих глазах боль и страх, посеянные и его, Каспера, рукой.

Дарен мог стать освобождением... А мог лишь обострить чувство вины, что и так скальпелем застыло у горла Каспера.

Но он должен увидеть Дарена. И он сделает это.

Вечером, сразу после обещанной Гридом трехчасовой пробежки.

Глава 8

Ронда

В полицейском участке сломался кондиционер, и мозг Ронды, что и без того плавился в постоянных раздумьях о деле, которое она сама себе поручила, теперь и вовсе поплыл, как растаявшее мороженое. Ронда сидела за рабочим столом, закрыв уши ладонями: то ли пыталась спрятаться от шума гудящего, пропитанного ароматом горького кофе офиса, то ли боялась, что мозг все-таки может вытечь.

Жара, ссора с сестрой, вечная усталость и бессонные ночи из-за нераскрытых смертей наслаивались друг на друга и свинцовой тяжестью ложились на плечи. Будто под прессом своих печалей Ронда наклонялась все ниже и ниже, сутулясь и подпирая подбородок ладонью. Ей казалось, что она вполне успешно борется с изнурением. Ее ведь еще не пригвоздило лицом к столешнице, верно? Однако для окружающих утомленность Ронды все же не осталась незамеченной.

— Я выбил для тебя дополнительный выходной, — подойдя к столу Ронды, сразу же объявил Ханс. — А то уже сил не было смотреть на то, как ты зашиваешься.

Куратор выглядел очень довольным и явно ждал от помощницы благодарностей. Только вот для Ронды такой «подарок» стал ударом под дых.

– Я не могу прохлаждаться, пока мы с сестрой утопаем в неоплаченных счетах, – отнекивалась Ронда, пока Ханс почти силой заталкивал в ее руки сумку и выпроваживал из офиса. – Выходные... Пф! Да кому они вообще нужны?

– Тебе, – от серьезного взгляда серых глаз, окруженных тонкой паутинкой морщин, пропал дар речи.

Воспользовавшись коротким замешательством Ронды, мистер Ханс открыл перед подопечной дверь и аккуратно подтолкнул девушку между лопаток, направив на выход.

– Не могу я! – Ронда едва успела втиснуть в дверной зазор носок ботинка, а затем тяжелым шагом ворвалась обратно в офис. – Не могу.

Ханс тяжело вздохнул, прикрыв тяжелые веки, и опустил голову, удрученно качнув ею. Мужчина был несколько ниже Ронды, а потому она отчетливо увидела, как на лысеющей макушке наставника бликом отразился свет желтых ламп.

– Тебе нужен отдых.

– Моей семье, – начала Ронда, но вдруг поперхнулась воздухом. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и продолжить: – Мне и моей сестре нужны деньги.

– Всем нужны, – развел пухлые, словно слепленные из теста ладони Ханс. – Но если сляжешь из-за изнурения, никому легче не станет. Тем более Этель.

Имя отозвалось солью на ране, которую где-то под ребрами оставила недавняя ссора. Со вчерашнего дня они так и не

разговаривали. Этель ушла поздно вечером и до утра так и не вернулась. Ронда догадывалась, что искать сестру стоит у ее друга, Каспера, но не решалась ни позвонить, ни явиться в дом семьи Элон лично.

У Этель доброе сердце, но изломанный трагедией семилетней давности характер. Быть полезной – вот единственная цель, которую преследует Этель с *того* дня. Ронда знала это, но все равно попыталась встать между сестрой и ее стремлениями: запретила заниматься волонтерством в парке, которое было ключом к следующей ступени достижений Этель – медицинским курсам.

Ронда поджала губы, вдруг ощутив на них горьковатый вкус собственных сожалений. Она не хотела лишать сестру цели, не хотела обесценивать ее попытки изменить мир к лучшему. Она лишь желала спасти Этель от возможной опасности. Проконтролировать и остановить.

Ведь Ронда так же, как и Этель, сломана той трагедией. Она тоже винит себя.

Но ломается там, где тонко. Этель оступилась, не сумев вовремя помочь, Ронда – не предугадав и не разорвав страшную цепочку событий. И они обе не научились мириться ни со своими новыми демонами, ни с демонами друг друга.

– Я уже оформил тебе дополнительные выходные, – беззаботно развел руками Ханс. Ронда только успела открыть рот, но наставник тут же добавил: – Не переживай, из зарплаты ничего не вычтут. Я договорился на этот счет.

Ронда непонимающе моргнула. Ханс же деловито подбоченился, чуть склонился к девушке и, заговорщически понизив голос, поделился:

– Для всех ты в свой «выходной» якобы работаешь по моим поручениям, изучая документы. Так что держись легенды, если спросят. Но, будь добра, все-таки расслабь извилины, пока мозг от перенапряжения не превратился в изюм.

Ронда автоматически коснулась лба, но тут же хихикнула, заметив веселые искорки в глазах наставника. Он рассмеялся, снова открыл перед Рондой дверь, и на этот раз она не стала противиться.

– И чтобы послезавтра все бумаги были на моем столе! – прощаясь, крикнул Ханс.

Несколько сотрудников в синей полицейской форме вскинули головы от бумаг и проводили Ронду заинтересованными взглядами. Ханс картинно пригрозил Ронде пальцем. Не сумев сдержать улыбку, она отвернулась, хоть и знала, что обещание отдохнуть не исполнит.

У нее есть дело, которое не терпит промедлений, и выходной – роскошь, которую Ронда не может себе позволить, пока не поймет, что творится в этом злополучном городе. Она обязательно отдохнет... Но только после того, как разгадает загадку, за которую взялась.

Домой Ронда решила отправиться пешком. Лезть в душный, набитый потными телами автобус совершенно не хотелось – и без того кожа плавилась как раскаленный воск. От

асфальта проспекта, нагретого солнцем, тянуло жаром, выжигающим кислород, а потому Ронда выбрала длинный путь через тенистый парк. Там она надеялась проветрить голову, но не вышло: мысли то возвращались к ссоре с Этель и переживаниям о ней, то мелькающими кадрами демонстрировали картинки видео, что среди файлов пряталось на компьютере.

Мертвый парень. Выцарапанные глаза. И снова нет ни намека на то, что его убило.

Вскрытие не дало результатов. Врачи словно раскромсали спящего человека – ни единой патологии. Тело будто бы и не умирало вовсе.

После того как Этель сбежала, Ронда посмотрела видео, на котором парень выцарапывает себе глаза, не меньше тридцати раз. Она прокручивала ролик, внимательно всматриваясь в запись, до тех пор, пока не поняла, что изучила каждый пиксель. К тому моменту за окном уже царила глубокая ночь, а жуткая картинка слепком легла на память. Даже когда Ронда уснула, видео продолжало повторяться перед глазами.

Снова и снова.

Пальцы давили глазные яблоки, впиваясь сначала в упругое, а затем – рыхлое стекловидное тело.

Снова и снова.

Веки выворачивались наизнанку, гладкая слизистая алела от крови.

Снова.

Пальцы оставляли кровоточащие борозды на скулах и щеках, что тут же терялись в рубиновых ручьях, стекающих из глазниц.

И снова. По кругу. Пока тошнотворное зрелище не станет привычным, а каждый кадр – изученной до мельчайших деталей уликой.

Очнуться от своих мыслей удалось лишь дома. Он встретил пугающей пустотой. Половицы стонали под ступнями Ронды, и в этом звуке ей слышался плач здания по хозяевам, которые сюда больше никогда не вернуться.

Дом все еще дышал памятью о них, хотя прошло семь лет. Каждый уголок оставался пропитан воспоминаниями. В коридоре висели картины, которые мама купила на барахолке. В стене у входной двери торчал гвоздь, который наспех забил отец, чтобы было удобно вешать ключи. На кухне ждал мамин сервиз, который она унаследовала от бабушки и обещала однажды подарить одной из сестер, и папина любимая кружка со сколом на ручке. На чердаке пылились родительские велосипеды, на которых они вместе устраивали парные прогулки по выходным...

Они будто должны были вот-вот вернуться, но то ощущение – лишь обманчивая иллюзия.

Ронда прошла по коридору на кухню и с тоской отметила, что на столе со вчерашнего дня так и остались стоять две кружки черного, уже давно холодного чая и открытая упаковка испорченных блинов. Шумный вдох ворвался в дро-

жащую грудь, сдерживаемые слезы обожгли горло... Но Ронда не позволила себе разреветься.

Она швырнула в мусорку блины, вылила в раковину остывший чай и включила воду, до максимума выкрутив краны. Однако шум воды не помог заглушить мысль, которая болью пульсировала в голове:

«Я не прощу себя, если Этель станет очередным призраком этого дома».

Ронда уперлась руками по обе стороны от раковины и пустым взглядом смотрела в одну точку. Она не заметила, как начала набираться вода из-за забитого стока, но очнулась, услышав звонок в дверь.

Этель?!

Ронда быстро выключила воду и метнулась обратно к входной двери. Надежда и волнение стали ее крыльями, но они сломались, так и не успев раскрыться.

– Привет! – широко улыбнулся Ааррон. – Ты не ждала гостей, знаю, но сюрпризы – это всегда здорово!

Ронда любила анализ и статистику, четкие цифры и графики. Она обожала все, что помогало структурировать жизнь, и ненавидела то, что вносило в нее непредсказуемость и хаос. Ронда терпеть не могла сюрпризы.

– Что ты здесь делаешь? – потускневшим голосом выдавила она. Одна ее ладонь лежала на дверном косяке, а вторая – на ручке.

В ее позе не было ни намека на гостеприимность и друже-

любие, однако Ааррона мрачное расположение духа Ронды ни капли не смутило. Его голубые глаза озарила озорная искра, а губы растянулись в улыбке. Миг – и Ааррон поднырнул под руку Ронды, оказавшись за ее спиной.

– Детектив, вы сегодня не в форме, – поддразнил Ааррон, стоя посреди коридора и перекатываясь с пяток на мыски. – Хотя... В форме, конечно, но не физической, – подметил он внешний вид девушки и сам улыбнулся своему каламбуру.

Ронда медленно втянула носом воздух и провела ладонью по волосам. Те были забраны в идеальный тугий хвост – ни единой прядки не выбилось.

– Прощутился? Полегчало? – Брови Ронды низко нависли над охровыми глазами, в которых сейчас разрядами молний опасно сверкала ярость. – А теперь на выход, живо!

Она уже потянулась, чтобы вытолкнуть Ааррона за дверь, но тот вдруг примирительно вскинул ладонь. Только теперь Ронда заметила переноску, которую парень все это время держал в руках. Из темной сумки кто-то твякнул, после чего в коридоре повисла тягучая тишина.

– Это что? – нарушила молчание Ронда. Она старалась выглядеть серьезной и суровой, но голос дрогнул, выдав интерес.

– Давай по порядку, ладно? – успокаивающе предложил Ааррон и осторожно опустил переноску на пол. – Можешь выставить на улицу меня, но Сир Бубенчик такой участи не заслужил!

Ронда оторопело заморгала, а затем, едва сдержав нервный смех, медленно повторила:

– Сир Бубенчик?

– Помнишь мою двоюродную сестру, Мередит? Сейчас она работает психотерапевтом по экспериментальной программе.

– Дай-ка угадаю, – прищурилась Ронда, наблюдая за тем, как Ааррон выпускает из переноски крохотного щенка. – Зотерапия, да?

– Детектив, ваша проницательность заслуживает восхищения! Верно говорю, Сир Бубенчик?

Белый щенок тонко тявкнул и, виляя хвостом, как маленьким моторчиком, высунул розовый язык. Ааррон умиленно прижал питомца к своей груди одной рукой, а пальцами второй пощекотал пушистую голову за острыми ушками.

Ронде пришлось приложить огромные усилия, чтобы сдержать рвущуюся улыбку.

– Это здорово. Но сюда-то ты зачем своего Сира притащил?

Ааррон оскорбленно воззрился на Ронду. Похоже, он не ожидал, что та не поведется на магию умильного щенка.

– Он не мой, – Ааррон поднял указательный палец, но договорить не успел. Ронда чувствовала, к чему ведет беседа, а потому постаралась всеми силами перевести ее в другое русло:

– Да, твоей двоюродной сестры, Мередит. Я помню.

– Не совсем ее, – настырно поправил Ааррон и выпустил Сира Бубенчика на пол. – Всех животных для пациентов берут из приютов. И, по статистике, пушистые доктора редко возвращаются в вольеры.

Едва щенок неуклюже встал на свои тонкие, еще не до конца окрепшие лапки, Ронда увидела, что на его спине есть большое черное пятнышко. Оно было похоже на седло или на...

– Бубенчик! – Ааррон не успел поймать щенка, когда тот неуклюже, но быстро бросился по коридору на кухню.

Тяжело вздохнув, Ронда поплелась за Аарроном, а тот в свою очередь – за щенком. Все вместе они оказались на кухне. Ааррон быстро поймал беглеца, но уходить с кухни никто не спешил.

От Ронды не укрылось, каким тоскливым взглядом окинул комнату Ааррон. Она нахмурилась и отвернулась к окну, боясь заразиться ностальгией. Но воспоминания, как инфекция, уже проникли и в ее голову.

Раньше они часто сидели за кухонным столом и на пару делали домашнее задание. Ааррон был старше Ронды и во многом ей помогал.

– Он смотрит на тебя влюбленными глазами! – вздыхала мама каждый раз, закрывая за Аарроном дверь. – Дай парню шанс.

– Мы просто друзья, мам! – повторяла Ронда так часто, что однажды просто устала пояснять все родителям, оттал-

кивать Ааррона и врать самой себе.

Они давно были больше, чем друзья, но меньше, чем пара. Ааррон знал Ронду как облупленную, но отказывался видеть очевидное – она не хотела отношений.

Сначала это было простое подростковое смущение перед ровесниками и родственниками. Оно-то и послужило причиной, по которой Ронда отдалилась от Ааррона в выпускном классе. Они все еще общались, но перестали встречаться после занятий, ходить в кино и друг к другу в гости. Ронда бегала от Ааррона, пока он пытался удержать последнюю связывающую их ниточку. Но та лопнула, когда трагедия перевернула жизнь Ронды.

Смерть родителей заставила ее замкнуться и сбежать от всего, что связывало с утерянным счастьем. Школьные друзья, мечты, прошлая Ронда – все отошло на второй план.

– Тебе нужна помощь. Ты заиклилась на контроле, – словно прочитав мысли Ронды и вдруг посерьезнев, сказал Ааррон то, что всегда сидело в ее голове. – Думаешь, я не понимаю, почему ты взялась за это дело, которое тебе никто не поручал?

«Я хочу сделать мир лучше. Безопаснее. Я должна осуществить это ради Этель», – пронеслось в голове Ронды, и Ааррон улыбнулся одними уголками губ. Его голубые глаза остались такими же печальными и усталыми, окруженные тенями недосыпа.

Он понял, о чем она подумала. Всегда понимал.

– Ты ведь знаешь, каков ответ на твой вопрос. Он всегда был, есть и будет одинаков.

– Этель, – кивнул Ааррон, а Ронде стало больно лишь от одного звука ее имени.

– Она – единственный важный для меня человек.

В горле пересохло, будто Ронда проглотила мешок раскаленного на солнце песка. Он скрипел на зубах и забивал легкие.

– Ты сама в этом себя убедила, – бесцветно отозвался Ааррон и подхватил щенка на руки. – Ты замкнулась. Исчезла, хотя я...

«Не надо!» – чуть не вырвалось из сдавленного горла, но вместо этого с губ сорвался тихий хрип. На большее в легких не осталось воздуха.

– Я принес тебе Сира Бубенчика, – слишком резко выпалил Ааррон и впихнул щенка в руки Ронды.

Она едва успела подхватить малыша и застыла, пораженно глядя на живой теплый комочек. Совсем крохотный, щенок возился в руках Ронды, пока она боялась даже шевельнуться и ненароком навредить малютке. Она чувствовала, как под хрупкими ребрами щенка на кончиках ее пальцев бьется маленькое сердце.

– Зачем? – сорвалось с пересохших губ.

Ронда не решалась поднять глаза на Ааррона, а потому смотрела на щенка, что копошился на ее ладонях. Странно, но именно сейчас она остро ощутила, насколько все эти годы

была одинока.

– Зоотерапия, – напомнил Ааррон и, не зная, куда себя деть, начал бродить из угла в угол по крохотной кухне. – Вообще-то Мередит отдала мне Сира Бубенчика для кое-кого другого... Для парня из соседнего дома. Я давно заметил, что у него какие-то проблемы, но спросить не решался. Думал вот собаку подарить. А то живет один в полузаброшенном здании, друзей нет... Но не важно. После сегодняшнего звонка я понял, что ты нуждаешься в помощи сильнее.

Ронда прижала щенка к груди, чтобы тот случайно не спрыгнул с рук, и обернулась на Ааррона. Он рассматривал рисунок, прикрепленный к стене: рыжая девочка с фотоаппаратом в руках. В углу корявым почерком значилось: «Профессия моей мечты. Ронда Уайлен. 10 лет».

Старый, грустный рисунок. Очередная ниточка в прошлое. Иллюзорная дверь, которая никогда не откроется.

Давно пора его снять.

– Что за звонок? – помялась с ноги на ногу Ронда, так и не решившись подойти и дернуть свой старый рисунок со стены.

Тонкие пальцы Ааррона нырнули в жесткие короткие кудри на затылке. Он шумно вздохнул и устремил взгляд куда-то в потолок, словно размышляя над тем, стоит ли делиться правдой. Ронда его не торопила. Молча стояла у окна, давая понять, что готова его слушать.

– Ничего особенного, – наконец выдал он. – По работе

звонил в ваш отдел и случайно узнал, что молодую стажерку отправили на вынужденный выходной.

– Ханс, – цокнула языком Ронда и покачала головой.

Не было сомнений, что наставник ляпнул о лечебном отстранении Ааррону не просто так. Наверняка детектив как-то узнал об их старой дружбе... Или даже о сделке, которую Ронда тайно заключила с патологоанатомом. Выходит, Ханс мог догадаться и о том, что Ронда не бросила дело, которое ей не поручали.

Есть ли вероятность, что выходной ей дали именно из-за этого, а разговор Ханса с Аарроном – не совпадение? Наставник надеется с помощью Ааррона вразумить свою подопечную? Или Ронда ищет подвох и сговор там, где его нет?

– В общем, я быстро понял, о ком речь. Понял и пошел к тебе, – он поднял на Ронду серьезный взгляд. От этого внутри все перевернулось, а на поверхность сознания всплыли воспоминания, которые Ронда годами хоронила в себе.

Обычно улыбчивый и открытый всему миру, Ааррон всегда становился суровым и серьезным, когда дело касалось Ронды. Он с начальной школы заступался за нее перед мальчишками, которые дергали Ронду за хвостики. Встречал ее после поздних вечеринок и провожал до дома даже тогда, когда она об этом не просила. Однажды Ааррон подрался с парнем Ронды за то, что тот высмеял ее подарок – подгоревшие кексы с изюмом. Ронда в слезах сидела в парке, когда Ааррон с разбитым носом и весь в чужой крови вдруг рух-

нул на скамейку рядом. Ничего не говоря, он достал пакет кексов, которые отобрал у неудачливого ухажера подруги, и умял их все до последнего.

– Вкусно, – только и сказал он.

Ронда тарасилась на него широко распахнутыми глазами. Слезы иссохли, щеки зарумянились, но странное чувство, вспыхнувшее под ребрами несмелым огоньком, смутило. Неловкость стала первым, что Ронда испытала, когда поняла, что Ааррон в нее влюблен. Это же чувство навсегда осталось с ней, пеплом задушенных чувств окутав сердце.

Со школы между ними ничего не поменялось. Оба повзрослели, в чем-то изменились, но чувства остались прежними. Спокойная уверенность Ааррона против холодной отчужденности Ронды. Причины разные – результат тот же. Глухая невзаимность.

– И чем, по-твоему, мне поможет пес? – стряхнув с себя тоскливые мысли, жестко поинтересовалась Ронда. – Да и с чего ты взял, что мне нужна помощь?

Ааррон молча сократил между ними расстояние. Его руки дрогнули, когда он собрался положить их на плечи подруги, но почему-то замер и отказался от затеи. Однако он не отступил и остался стоять всего в шаге от Ронды.

– Ты правда хочешь, чтобы я сказал это вслух? Ты ведь и сама прекрасно знаешь ответ.

Ронда поджала губы. Ее взгляд сполз с лица Ааррона на щенка, что сопел у нее на руках. Теплый комочек пульсиро-

вал жизнью, и это снова напомнило Ронде о ее одиночестве.

Кроме Этель у нее никого нет. Она сама заключила себя в этот кокон, воздвигла бетонные стены и вытолкнула за них всех, кроме сестры. Этель единственная, о ком Ронда может заботиться. Но Этель давно в этом не нуждается. Ей уже девятнадцать, и опека старшей сестры для нее – оковы.

В Ронде есть любовь, которую она готова дарить, но вокруг больше нет людей, готовых ее принять. Или тех, *кому* Ронда *хочет* ее отдать.

Взгляд снова метнулся к голубым глазам, что смотрели выжидающе и внимательно. Ааррон молчал, но Ронда знала, что для него она – открытая книга. Каждая мысль, каждый призрак чувства и тень сомнений находили отражение на ее лице, и Ааррон это видел.

Она могла бы побороть себя, отбросить стеснение, которое однажды переросло в густой страх. Но не осмелилась сейчас сделать этот шаг навстречу Ааррону и выпалила:

– Если я не буду справляться, забереешь Бу обратно!

– Бу? – недоуменно повторил Ааррон, а Ронда крепче прижала щенка к себе.

– Это сокращение от дурацкого «Сир Бубенчик». Кто вообще придумал такую кличку?

Ронде показалось, что Ааррон сказал «я», но короткое слово утонуло в его кашле, который больше походил на сдавленный смех. Невольно она тоже улыбнулась и незаметно для себя начала искать взглядом глубокую тарелку для мо-

лока... Которого в доме сестер не было.

– Сходишь в магазин за едой для Бу? – предложила Ронда, понизив голос. Боялась разбудить питомца. – Я пока устрою для него уголок.

Она встретила прямой взгляд Ааррона и едва не залилась краской, заметив, как дрогнули в улыбке его губы.

– Хорошо, но у меня к тебе тоже есть просьба.

Ронда вопросительно выгнула бровь, а Ааррон заговорщически ей подмигнул.

– Помнишь, ты сказала, что за помощь с делом ты моя должница?

– Да, – протянула она с подозрением. – Но я ведь взяла Бубенчика. Этого недостаточно, чтобы покрыть долг?

Ааррон спрятал ладони в карманы джинсов и медленно двинулся в сторону входной двери. Ронда поплелась за ним.

– Щенок – это терапия. Помощь тебе.

– Это ответственность.

– Которую ты сама ищешь! – резко обернулся Ааррон, и Ронда едва не стукнулась лбом о его щетинистый подбородок.

– И что же ты хочешь попросить взамен за несложную помощь старой подруге? – попыталась сбить цену она, но Ааррон лишь усмехнулся:

– Такую же несложную услугу для замечательного, верного друга. Хотя это даже не услуга...

Он встал у двери, однако не спешил ее открывать. В свете

солнца, льющемся из окна, короткие черные кудри Ааррона выглядели так, словно кончики были покрыты золотой пылью. Голубые глаза сияли предвкушением, которое Ронда не разделяла.

– Свидание, – прямо сказал Ааррон, и у Ронды подкосились коленки.

После смерти родителей она ни разу не гуляла с парнями и даже не думала о чем-то романтическом. Забота о сестре, работа, ответственность – это все, что у нее было.

– Зачем тебе это? – Ронда неодобрительно качнула головой.

Улыбка все еще играла на губах Ааррона, но в глазах от нее не осталось и следа.

– Я устал жить в прошлом и каждый день думать об ошибках, которые в нем совершил. Мы всегда были друзьями, но я никогда не пытался... По-настоящему не пытался помочь нашей дружбе перерасти во что-то большее.

Ронда тяжело сглотнула слова, которые встали поперек горла. Как сказать Ааррону, что причина неудачи их союза не в том, что он недостаточно старался, а в том, что все попытки в любом случае привели бы в никуда? Неужели он этого до сих пор не понял?

– Некоторые вещи невозможно исправить.

– Тогда почему ты решила стать детективом? Почему взялась за дело, которое все отбросили?

Ронда поперхнулась воздухом. Ее ответ так и не прозвучал.

чал, но правда и без того звенела в воздухе.

Почему? Потому что авария, случившаяся семь лет назад, произошла по вине Ронды. Это она не остановила своего пьяного одноклассника, когда тот решил после вечеринки в честь выпускного сесть за руль. Это он, закинувшись не только крепким алкоголем, но и «пыльцой», на полной скорости по роковой случайности въехал как раз в то авто, где были родители Ронды и ее младшая сестра, Этель. Это он выжил, когда родители Ронды – нет, а ее сестра слишком рано заглянула в глаза смерти и осознала свою беспомощность перед ней. *Бесполезность.*

Чудо, что Этель отделалась лишь шрамами на лице и одним глазом.

Трагедия – что она, не сумев никому помочь, приняла гибель родителей на свой счет.

Ронда не сказала этого вслух. Но Ааррону и не требовалось услышать то, что он и так давно знал.

– Нас создают травмы прошлого, – грустно улыбнулся Ааррон и положил ладонь на дверную ручку. – Как бы мы ни хотели это отрицать.

– Сломанные и печальные, – выдохнула Ронда, стеклянным взглядом смотря в пол. Немного помолчав, она поджала губы и все же подняла глаза на Ааррона: – В чем смысл такой жизни?

– В том, чтобы не опускать руки. Прими и прости себя и двигайся дальше.

«Сказал парень, с детства безответно влюбленный в одну-единственную девушку», – едва не сорвалось с губ Ронды, но она вовремя прикусила язык. Совет двигаться дальше из уст Ааррона звучал весьма неубедительно.

Хотя порой, чтобы осознать свой бесповоротный проигрыш, нужно услышать жесткое «нет», сказанное в глаза. Ронда же никогда не говорила с Аарроном об их чувствах прямо. Может, только поэтому он до сих пор не сдался и не отпустил?

– Один шанс, Ронда. Я не прошу о большем.

Сказав это, Ааррон бесшумно вышел за дверь, оставив Ронду наедине с мыслями. Дверь с тихим щелчком захлопнулась, а плечи Ронды, как по сигналу, устало опустились.

– Один шанс, – задумчиво шепнула она и погладила спящего щенка дрожащей рукой.

Глава 9

Каспер

После изматывающей тренировки и бесконечного кросса ноги превратились в пластилин. Каспер мечтал о том, как окажется дома и рухнет на кровать. Эти грезы пытались утянуть за собой, сознание подкидывало все новые заманчивые картинки, в половине из которых Каспер сладко спал. Но воспоминания о Дарене ядовитыми шипами засели в мыслях и отравляли спокойствие.

Наплевав на усталость и боль в изнуренных мышцах, Каспер вышел из спортивного центра, встал на скейт и направился в противоположную своему дому сторону. Уже начинало смеркаться, а из раскидистых зеленых крон слышался стрекот насекомых. Вокруг было спокойно и тихо, но сердце в груди колотилось так, что отбивало на легких синяки.

Спустя несколько минут Каспер выехал на крупную улицу, надеясь не только срезать путь, но и автомобильным шумом заглушить свои мысли. Центр Фирбси уже потихоньку загорался огнями. Из забегаловок лилась музыка. Поток людей стал очень плотным, и продрасться через него – нелегкая задача. Каспер уже собирался спрыгнуть с доски и пойти пешком, но в последний момент передумал.

Сделав олли через невысокий забор, Каспер выехал на до-

рогу. Ему в спину начали сигналить, некоторые водители высывались в окна, чтобы обругать скейтера, но Касперу было плевать.

Толчок. Еще толчок. Обе ноги на доске и чуть согнуты в коленях. Корпус в идеальном равновесии отклоняется то назад, то вперед, по инерции разгоняя скейт.

Пока машины стояли на светофоре, Каспер догнал грузовик в самом первом ряду. Он поравнялся с машиной как раз в тот момент, когда вновь загорелся зеленый. Всего секунды на раздумья хватило, чтобы ухватиться за бампер и как на прицепе помчать за грузовиком.

Из-за большого кузова водитель не мог увидеть Каспера, а потому не сбавлял скорость. Порой удержаться на доске становилось очень тяжело, рука соскальзывала с запыленного металла, ее больно тянуло на поворотах. Но, стиснув зубы и пальцы, Каспер не отступал.

Ему удалось проехать так три квартала. В свой адрес он выслушал достаточно от сердобольных прохожих и разгневанных водителей. Чаще всего его обзывали придурком или идиотом, обязательно упоминая, что он разобьется. Но Каспер пропускал замечания мимо ушей, даже не думая отцепляться.

Однако это пришлось сделать, когда один из водителей, не тратя время на то, чтобы достучаться до Каспера, обогнал грузовик и затормозил перед ним, не давая проехать. Когда грузовик остановился, а спереди послышался грубый голос,

переходящий на крик, Каспер сразу догадался, что произошло. Не тратя времени, он бросился наутек.

Из-за водителя, преградившего путь грузовику, встала вся дорога. Образовалась гудящая пробка, а потому Касперу не составило труда броситься наперерез шоссе к тенистому парку. Ворот рядом не оказалось, а потому пришлось просунуть скейт между прутьями и перелезть через забор. Кажется, вслед Касперу летели ругань и угрозы, но он всего этого будто не слышал. Легко спрыгнул за ограждение, подхватил скейт и по рыхлой земле бросился в глубь парка.

Удивительно, как у него еще оставались силы на бег, но чем ближе Каспер приближался к нужному дому, тем быстрее двигался. Сгорающий в легких кислород оставлял после себя ноющую боль. Мышцы грозились вот-вот лопнуть от напряжения, но Каспер не жалел себя. Если бы тренер Грид его сейчас увидел, то наверняка бы сказал, что так выкладываться нужно на тренировках, а не после них.

Желание поскорее избавиться от странного, необъяснимого страха и мук совести стало топливом, которое не иссякало. Каспер хотел бы рухнуть без сил на уже остывшую после заката землю, но не мог. Кровь забурлила, едва за поворотом возникло многоквартирное четырехэтажное здание, на углу которого черной краской был выведен адрес, что Каспер видел даже с закрытыми глазами.

Краска местами облезла, штукатурка обвалилась, оголив кирпичи. Казалось, здание рухнет от порыва ветра и похоро-

нит под собой всех, кто окажется внутри.

Каспер тряхнул головой и отмахнулся от мрачных мыслей, которые кружили роем. Все эти страхи – всего лишь боязнь встретиться со своими грехами лицом к лицу, догадался он. Каспер страшился увидеть Дарена и понять, что его ошибка, его трусость стоили Йоркеру слишком дорого. Каспера не пугал разбитый нос или синяки. Он боялся увидеть пустоту во взгляде карих глаз, которую часто встречал в своем зеркальном отражении.

Осознание собственной ничтожности.

Каспер вытащил из рюкзака чужой блокнот, чтобы убедиться, что верно помнит номер квартиры. Этаж в квитанциях, спрятанных между изрисованных портретами страниц, указан не был, но Каспер и так догадывался, что сорок четвертая квартира находится на последнем.

В подъезде пахло сыростью и чем-то протухшим. Кроссовки скользили по кафельному полу, плитка которого местами рябила паутинами трещин. Каспер заглянул наверх через лестничные пролеты и медленно двинулся по крутым узким ступеням.

Как и предполагал, он нашел сорок четвертую квартиру на последнем этаже, в торце длинного коридора, тускло освещенного единственной лампочкой. Та мигала, пока вокруг вилась стайка мелких насекомых.

Каспер подавил в себе растущее желание сбежать. На негнущихся ногах приблизился к деревянной двери и уже

занес руку, чтобы постучать, но вдруг замер. Прислушался к гнетущей тишине и тяжело сглотнул.

Единственный звук вокруг – треск умирающей лампочки. И больше ничего.

Странное чувство заставило Каспера попятиться от двери, что смотрела на него выпуклым мутным глазком. В голове звенела тишина, которая с хлопком лопнула, когда Каспер с силой толкнул другую дверь, на которой не был указан номер. Та легко распахнулась и со стоном ударилась о стену. Зияющий темнотой проем дыхнул на Каспера холодом и пылью. Еще никогда пустота не казалась настолько осязаемой.

Каспер отшатнулся. Толкнул другую дверь, и та тоже легко поддалась. Еще, еще и еще – и снова тот же результат. Больше не оставалось сомнений в том, что дом практически заброшен. Единственные жильцы этих квартир – тараканы и призраки воспоминаний.

Но Каспер видел свежие квитанции на этот адрес, а мигающая желтая лампочка висела здесь точно не для голых стен. Может быть, за дверью, на которой выцарапаны две четверки, все-таки кто-то живет?

В закрытой квартире было тихо, но когда Каспер подергал ручку, ему показалось, что в недрах жилища что-то зашуршало. Дверь не поддалась, и во рту резко пересохло. Дарен действительно живет в этом полуразрушенном, заброшенном доме?! Каспер замялся, не зная, что делать дальше. Если внутри кто-то есть, он должен был слышать незваного

гостя.

– Дарен Йоркер! – позвал Каспер после того, как на целую минуту превратил дверь в барабан. – Я знаю, что ты там!

Он не знал. Надеялся, что это так, но блефовал. А потому, когда никто снова не ответил, его сердце оборвалось.

Не придумав ничего лучше, Каспер достал из рюкзака чужой блокнот и другие вещи, которые ему удалось забрать с парковки «Жерла». Он хотел оставить их на пороге на случай, если Дарен вернется, но дверь вдруг со скрипом приоткрылась.

– Йо?! – вырвался не то вздох облегчения, не то удивленный возглас.

Блокнот выпал из ослабевших рук, но ни Каспер, ни Дарен, возникший на пороге, за ним не наклонились.

Дарен походил на бледную копию самого себя. С их последней встречи прошло не так много времени, но Йоркер словно десятилетиями прятался в подвале без еды и воды. Истощенный и бледный, с потускневшими веснушками на скулах. На подбородке и под глазами – синяки цвета черники. Поперек носа – запекшаяся темно-бордовая царапина, неумело заклеенная желтым пластырем. Светлые волосы взлохмачены, тонкие руки, висящие вдоль туловища, крупно дрожат. Но хуже всего – взгляд, усталый и пустой, проходящий будто сквозь тебя.

– Дарен, – борясь с самим собой, выдавил Каспер, но тут же запнулся. Слова не шли, терялись в паутине сомнений

и страхов, а Касперу оставалось только глупо кусать губу и топтаться с ноги на ногу.

Зачем он пришел? Что надеялся увидеть?! И что будет делать теперь?..

– Я пришел не ради Тобиаса, – выпалил он, почему-то решив, что это важно.

Вдруг Дарен решит, что Каспера заслали выведать, где живет тихоня? Но он здесь не ради свиты, а ради себя.

Будто услышав эти мысли, Дарен нервно хохотнул. Этот тихий звук больше походил на всхлип, особенно в сочетании с разбитым лицом и ничего не выражающим взглядом. Кожу Каспера усеяли липкие мурашки.

– Послушай, я не вру. Тебе не стоит меня бояться...

Договорить Каспер не успел. Он отшатнулся, когда Дарен вновь засмеялся, на этот раз громко и истерично. Но, несмотря на натянутую улыбку, в карих глазах дрожали слезы.

Кровь Каспера превратилась в жидкий азот. Она холодила вены, мороз щупальцами полз к сердцу. Оно билось часто-часто, словно надеялось вырваться из груди, лишь бы не угодить в когтистые лапы леденящего ужаса.

– Если ты считаешь, что я боюсь тебя или свиту, то ты ничего не знаешь о страхе, – пугающе серьезно проговорил Дарен и поджал губы, пытаясь скрыть их дрожь.

Каспер не понимал, о чем говорит Йоркер, но от его слов внутри все сжалось в тугую комок.

– Тогда почему ты так долго не открывал мне? Я несколько минут долбился в дверь!

– Я не слышал, – Дарен пожал плечами, даже не глянув на гостя. – Из-за музыки.

Глаза Каспера округлились, рот беззвучно открылся. Музыка? Он ничего не слышал, кроме гробовой тишины заброшенного здания. Может, она играла у Дарена в наушниках?

Йоркер заметил недоуменный взгляд Каспера. Настала его очередь хмуриться.

– Хочешь сказать, ты ее не слышал? – безумная улыбка больше не играла на бледных губах, а глаза перестали походить на безжизненное стекло. Дарен смотрел выжидающе, и в его взгляде читалась немая мольба и надежда. Но на что?

Каспер почувствовал, как вдоль позвоночника скатилась холодная капелька пота. Он выпрямился и попятился на шаг, хотя мечтал убраться прямо сейчас и как можно дальше. Станный дом, странный Йо. Он пытается напугать Каспера? Мстит так, потому что по-другому, слишком слабый и щуплый, не сможет?

– Не смешно, – процедил Каспер и с удивлением заметил, как вопросительно взметнулись пшеничные брови Дарена. Он еще и изумление отыгрывает?!

Их взгляды скрестились в молчаливой дуэли, и на те долгие секунды, что парни пытались угадать мысли друг друга, повисла тяжелая тишина. Каспер не верил, что Дарен может говорить правду. Боялся даже допустить такую мысль, ведь

это бы значило, что Йоркер – не просто аутсайдер потока, молчаливый отброс без компании. Он безумец, которому в любой момент может почудиться, что слышимая лишь ему музыка сменилась голосами. И кто знает, что они ему прикажут сделать?

– Уходи. – Дрожащие пальцы Дарена крепко стиснули дверную ручку, но даже это не помогло унять нервы. Ладонь словно вибрировала, и, судя по раздосадованному лицу Йо, он ничего не мог с этим поделать.

На какой-то миг Каспер ощутил жалость, которая пришла на смену стыду. Чувства так тесно переплелись в груди, что он не понимал сам себя, не помнил о цели своего визита и не знал, что делать дальше.

Каспер успел приоткрыть губы, но слова с них так и не сорвались. Внезапно Дарен обхватил голову ладонями, словно силился спрятаться от какого-то шума, и крепко зажмурился.

– Проваливай! – закричал он, повернувшись к Касперу полубоком, из-за чего тот не понял, обращается Дарен к нему или к кому-то, кто прячется в тени захудалой квартиры.

– Дарен, – позвал Каспер, нерешительно протянув в его сторону раскрытую ладонь. Его колотило от необъяснимого страха, и он сам не понимал, почему пытается достучаться до Дарена вместо того, чтобы просто уйти. – Скажи, как я могу тебе помочь?

Карие глаза сверкнули не то от злости, не то от слез, что

блестели в тусклом свете единственной лампочки.

– Помощь мне была нужна в парке, когда я не мог выбраться из идиотского аттракциона. Тот долбанутый контролер просто сбежал, да и вы смотались, загнав меня в ловушку.

Каспер слушал его молча, не смея перебить, хоть и не понимал, о чем Дарен говорит. Какой аттракцион? Какой контролер? Куда и кто смотался? Ловушка?!

Никто из свиты не видел, чтобы Дарен шел на аттракцион. Его просто потеряли в толпе. Это подтвердили все. И Тобиас тоже. Разве не так?

– Не понимаю, – покачал головой Каспер. Он ожидал, что Дарен будет винить его в бездействии и трусости во время драки на парковке, но тот заладил про какой-то аттракцион. С какой стати? – Правда не понимаю.

– На твое счастье, – выдавил грустную улыбку Дарен и захлопнул перед носом Каспера дверь.

Глава 10

Дарен

Пустой желудок вывернуло наизнанку. Во рту остался горький вкус желчи, который отдавал в нос. Глаза слезились то ли из-за того, что Дарена все же вырвало, то ли из-за осознания – он сходит с ума.

Дарен не помнил, как ему удалось выбраться из «Театра кошмаров», жуткого места, которое аттракционом только казалось. Или, может, реальность не так страшна, и все дело лишь в пошатнувшемся рассудке Дарена? Иначе как объяснить, почему аттракцион стал местом пытки? Как кто-то сумел залезть в его сознание, вытащить из него худшие воспоминания и превратить их в ожившие кошмары?

Мать Дарена умерла, когда он был еще ребенком. Он прожил с ней девять лет, ни дня из которых не чувствовал себя любимым или нужным. Наоборот, он хорошо запомнил, кем является на самом деле.

– Ты – ошибка моей молодости, – Елена Йоркер часто плакала, закрывшись от сына в ванной, но правду говорила, лишь напившись вдребезги. И чем старше становился Дарен, тем чаще это случалось. – Твой отец бросил меня из-за тебя! Если бы я не залетела... Это ты. Ты виноват!

Дарен даже спустя года отчетливо помнил, как однажды

решился обнять плачущую мать. Он подошел к ней, сидящей за столом, и обвинил содрогающуюся в рыданиях женщину тонкими детскими ручками. От Элены разлило алкоголем, что развязало ей язык. Возможно, она даже не помнила, как оттолкнула сына, а затем наотмашь ударила семилетнего мальчика по лицу.

– Не трогай меня! Убирайся! Убирайся!

Дарен не понимал, в чем его вина, но семя посаженных Эленой сомнений проросло, а его крепкие корни стали для повзрослевшего мальчика клеткой.

Он – ошибка, убившая мать. Он – причина ее боли и одиночества. Он выжил, хотя не должен был даже родиться, а она надела на свою шею петлю. Ему пришлось встретиться с родным отцом и войти в его семью, хотя Дарен этого не просил. А она, мечтавшая о том, что любимый все же вернется, теперь гниет в земле.

Из-за Дарена.

Он никогда не забудет, как однажды вернувшись со школы, услышал песню, льющуюся из комнаты матери. Тягучая и старая, она звала за собой:

«Fly me to the moon

And let me play among the stars».

Еще никогда Дарен не слышал, чтобы мама включала музыку. У Элены был старый магнитофон и много кассет, но

тогда она достала их в первый и последний раз. Нежная, плавная мелодия играла так громко, что голос мальчика, зовущего мать, утонул в ее шуме.

Почему-то он подумал, что громкая музыка – хороший знак. Улыбаясь, Дарен направился к комнате мамы, но у двери остановился, не решаясь войти. Он не хотел портить своим появлением отдых Элены, а потому топтался у порога, пока песня не кончилась. Однако спустя несколько секунд после того, как мелодия стихла, она заиграла вновь.

«Fly me to the moon».

Дарен прослушал песню трижды, борясь с необъяснимым, животным страхом, что рос изнутри. Он потянулся к двери, впервые заметив, как дрожит его рука. Тогда он еще не знал, что этот недуг останется с ним навсегда. Как и воспоминания о дне, что навсегда перевернул его жизнь.

Закат окрасил комнату в красный и очертил темную тень бездыханного тела, что висело над полом. Рядом валялся поваленный стул. Верхние полки шкафа, где мать прятала магнитофон, были настежь распахнуты, а сам проигрыватель крутил кассету, стоя на полу.

Она подготовилась. Боялась, что соседи услышат ее хрипы?

Она торопилась. Не хотела передумать и дать своей жизни еще один шанс?

Она сделала это из-за Дарена. И это единственное, что он знал наверняка.

Ему стоило огромных усилий похоронить воспоминания вместе с Эленой, но старания оказались напрасны. Он не плакал по матери, прекрасно помня каждую грубость и побои. Он дал себе слово, что после того, как предоставит сотрудникам полиции все показания, никогда не вспомнит об этом дне.

Он сделал все, чтобы сдержать обещание, но в очередной раз солгал.

Ненависть к себе – единственный урок, который преподавала ему мать. Возвращенное годами, это чувство лишь укрепилось после смерти Элены, что стала жирной точкой, выводом, кровью написанным под чертой.

«Во всем виноват только ты».

Эта мысль ни на секунду не покидала Дарена, делая его существование невыносимым и калеча характер. Боясь вновь причинить кому-то вред одним своим присутствием, Дарен вырос замкнутым и отстраненным. Много времени проводя в уединении, он нашел себя в рисовании, которое стало сначала хобби, а затем, когда отцу и мачехе надоело терпеть депрессивного подростка в своей счастливой семье, – еще и средством заработка наряду с выполнением чужих домашних работ.

Он рано научился самостоятельности, ведь абсолютно все легло только на его плечи – новая жена отца с радостью вру-

чила Дарену ключи от ее пустующей квартиры, когда парню было всего шестнадцать. Однако решение разъехаться принесло облегчение всем. Дарен больше не мозолил глаза семье, в которой был чужим, а взамен получил свободу и гнилой и пыльный, но все же свой уголок.

Отец обещал навещать его и помогать, но слова так и остались словами. Переехав, Дарен перестал существовать для навязанных родственников, как и они для него. Единственными, кто всегда оставался рядом, были призраки прошлого, что сейчас ожили, воскреснув из слез и кассетной пленки.

Голос того парня из свиты, имени которого Дарен не знал, почему-то заглушил ненавистную музыку. Но стоило незваному гостю остаться по другую сторону запертой двери, попытка повторилась. Дарен будто оказался внутри музыкальной шкапулки, из которой не мог выбраться. Мелодия все играла и играла, а он бился в стены своего сознания, не зная, как заглушить песню, что играла хаотично и жутко, мешаясь сама с собой. Ноты сплетались в ужасной какофонии. Кто-то будто поставил несколько одинаковых звуковых дорожек, перемешал их и наслоил друг на друга.

And let me see what words, hold my hand
Fly me to the moon Let me see other words, hold my hand
On Jupiter and Mars In other words, hold my hand
darling kiss me

Откуда лилась музыка?

Сначала Дарен думал, что с улицы. А когда увидел на своем пороге того спортсмена из шайки Тобиаса, решил, что во всем виновата «золотая» компания. Это они, каким-то образом узнав больные места, теперь давили на них, чтобы отомстить за своего униженного жожака!

Какое-то время Дарен убеждал себя, что так оно и есть. Однако все решилось в тот момент, когда он осмелился поговорить с гонцом свиты и сказал о музыке... Которую, как оказалось, слышит только он.

Тот парень не врал. Уж слишком заметно отхлынула кровь от его лица, смуглая кожа побледнела, а в голубых глазах затаился неподдельный страх. Признание Дарена напугало гостя, и Йоркер не понимал, что чувствует теперь.

Сплюнув горечь рвоты, Дарен вытер рот полотенцем и вышел из ванной, дверь которой открывалась в единственную комнату. Тяжелые шторы были задернуты, а все электрические приборы выдернуты из сети. Однако песня продолжала издевательски играть так, словно лилась прямо из стен, покрытых пожелтевшими от времени обоями.

Руки тряслись, а йо-йо, которым Дарен обычно унимал дрожь, потерялся вместе с другими вещами, что были в рюкзаке. Это случилось на парковке «Жерла», когда Тобиас избил его на глазах у всей свиты. И тот парень, которого Дарен оставил за порогом квартиры, тоже был там. Йоркер хорошо запомнил его голубые глаза, осколками неба выделяющиеся на фоне смуглой, кокосовой кожи, но имени союзника Тобиаса не знал. Запомнил и то, что этот парень был у «Театра кошмаров» и видел, как Дарен заходит в аттракцион.

Тогда почему сейчас упрямился и отрицал, что все видел? Зачем он врал?!

Дрожащие ладони сжались в кулаки. От снова ожившего

вокруг шума гудела голова. Музыка давила на виски раскаленными тисками. Только теперь Дарен смог принять, что звучит она не снаружи, а будто изнутри него самого.

Но он не безумец! Нет!!!

Распахнув покосившуюся дверцу шкафчика, Дарен достал блокнот, в котором еще оставалась пара чистых страниц. Оттуда же он выудил наточенный карандаш и с ногами забрался на деревянный, покрытый трещинами подоконник. Дарен задернул штору и, зажатый между плотной тканью и почерневшим в сумерках стеклом, ощутил себя так, будто оказался в крошечной комнатке.

Руки дрожали, линии получались дергаными и колючими, но Дарен будто этого не замечал. Он остервенело выводил силуэт, рожденный в глубине сознания, чтобы выместить его на бумагу. Может, тогда получится избавиться от преследующего призрака?

От слишком сильного нажатия грифель надломился, оставив на бумаге уродливое черное пятно. Дарен не ощутил ни досады, ни раздражения – портрет его матери отвратителен сам по себе. Кривые линии и грязь его несколько не испортят. Он пишет его не на заказ и не на память, а наоборот – чтобы вытравить образ из мыслей.

Дарен где-то слышал, будто чтобы победить страх, иногда нужно встретиться с ним лицом к лицу. Он никогда не был на могиле матери, потому что не знал, где ее похоронили. Для самоубийц было отдельное кладбище – без забора и обо-

значений. Найти Элену сейчас – почти невыполнимая задача. А вот воскресить ее образ на бумаге было легко – Дарен помнил лицо матери в мельчайших деталях.

– Оставь меня в покое! – прорычал он сквозь слезы, когда из-под сломанного карандаша вышли стеклянные глаза, окруженные опухшими от долгого пьянства веками. – Ты ведь так хотела избавиться от меня! Даже убила себя, чтобы больше не видеть! Так почему же теперь снова мучаешь?! Почему?!

Еще никогда Дарен не писал настолько уродливых портретов. В изображении Элены отвратительным было все: грязь размазанных, слишком жестких линий, кляксы слез и змеями извивающиеся штрихи.

Дарен взвыл, когда понял, что даже так, изображенная на скорую руку, Елена была слишком похожа на себя, и это причиняло боль. Она снова смотрела на него пустым взглядом, будто перед ней был не сын, а пыль, которую хочется стереть.

Стиснув дрожащие пальцы и закрыв застланные слезами глаза, Дарен даже не понял, что смял лист с портретом.

– Хватит. Хватит. Хватит, – стонал он, даже не пытаясь перекрычать хаос нот. В этом диссонансе уже слабо угадывались знакомые мотивы, но Дарен знал ненавистные строки песни наизусть.

Он сам не заметил, как вдруг начал напевать их под нос. Слова срывались с дрожащих губ шепотом. От слез щипало раны на лице, часть из которых оставил Тобиас, а часть

он получил по своей вине, когда пытался выбраться из ямы «Театра кошмаров». Как это получилось сделать? Дарен не помнил ничего, кроме собственного ужаса и метаний в абсолютной темноте. Путь на свободу оказался лабиринтом, из которого чудом удалось выбраться.

Но оказаться на свободе недостаточно, чтобы вырваться из пут собственного прошлого и его жестоких призраков.

Рыдания комом застыли в горле, когда Дарен открыл заплаканные глаза. Музыка стихла, но он не почувствовал ничего, кроме ледящего душу ужаса. Ведь теперь, окруженный идеальной, уже непривычной тишиной, Дарен мог слышать чье-то хриплое дыхание... и свой собственный голос.

– Мама! – тонкий мальчишеский голос прозвенел откуда-то из комнаты, спрятанной за плотной шторой.

Дарен застыл, услышав самого себя, и накрыл губы трясущейся ладонью. Он молчал. Откуда звук? А затем что-то заставило штору качнуться, и по телу прокатилась ледяная волна страха. Сердце обмерло, перестав на секунду биться, а затем пустилось галопом.

За шторой кто-то стоял. Дарен отчетливо видел тень, до владельца которой мог бы легко дотянуться, даже не слезая с подоконника.

Он боялся шелохнуться и привлечь к себе внимание. Не хотел смотреть на то, что могло прятаться по ту сторону шторы. Но в то же время Дарен был уверен, что наваждение схлынет, когда он взглянет страху в глаза.

Иллюзия исчезнет, ведь он не безумец.

Но то, что Дарен увидел, когда все же осмелился отодвинуть плотную ткань шторы всего на несколько сантиметров, повергло его в шок. Его бы вырвало снова, если бы в желудке хоть что-то было.

На расстоянии вытянутой руки от Дарена стоял он сам. Вернее, он был подвешен в воздухе на незримой веревке. Кожа посерела и стала почти пепельной, на шее виднелось углубление, вдавленное под косым углом. Будто от петли.

– Мама!

Он не понял, с чьих губ сорвалось слово. С его, дрожащих от страха, или с тех, что были цвета черники?

Дарен отшатнулся и ударился спиной о стекло. То опасно задребезжало, угрожая разлететься на осколки. Но сейчас Дарен бы предпочел выйти в окно, нежели оставаться наедине с тем, что родилось из его больного, воспаленного разума.

– Вина – яд твоей души.

Дарен не верил, что однажды услышит этот голос вновь.

Элена стояла на пороге комнаты и смотрела на мертвого Дарена так же, как он однажды смотрел на нее. Однако в этом призраке от матери были только лицо и голос. Тело же пугало своей неестественностью: слишком маленькое для взрослого человека, с короткими руками и ногами, с головой, слишком крупной для тела ребенка.

– Так все должно было быть, – сказала она, улыбаясь, будто полоумная.

– Нет, – шепнул Дарен, мотнув головой, а затем повторил уже громче: – Нет!

– Ты так не считаешь, – сказали сразу три голоса, один из которых звучал в голове Дарена.

– Не считаешь, – повторили синие губы.

– Не считаешь, – сквозь улыбку прошелестела Елена.

Дарен закричал и швырнул блокнот в призрак матери. Тот прошел насквозь и ударился о стену. Обе иллюзии растворились, но вместо их голосов и музыки пришел другой звук.

Стук в дверь. Снова.

– Йоркер, я знаю, что ты там! Открой дверь, пока я ее не вынес!

Доказывая, что его угроза – не пустой звук, настырный спортсмен несколько раз с силой ударил дверь. Та стонала и прогибалась, ржавые петли держались лишь чудом. Грохот стоял ужасный, но даже он не заглушал тяжелое сердцебиение Дарена.

– Дарен Йоркер, твою мать, открой сраную дверь!

Дарен загнанно оглядел комнату, в которой не осталось ни следа недавних видений. Он бы подумал, что задремал на окне, но блокнот на полу красноречиво намекал, что произошедшее не было сном.

Настойчивый стук повторился, подгоняя, и Дарен на деревянных ногах все же спрыгнул с окна.

– Ты, – только и смог выдохнуть Дарен, когда открыл дверь.

– Я, – кивнул стоящий на пороге парень и пихнул Дарену в руки рюкзак. Из него торчали йо-йо и блокнот, в котором Йоркер хранил счета, записи заказов и иногда рисовал. – Не благодари.

Дарен крепко прижал к груди полупустой рюкзак, надеясь, что это поможет унять дрожь в руках. Он молча застыл перед открытой дверью, смотря на своего гостя, но его лицо видел словно сквозь туман. Перед глазами стояли только что пережитые ужасы. И Дарен боялся снова остаться с ними наедине.

– Лады, я погнал, – неуверенно протянул парень, имени которого Дарен не знал. Гость как-то нерешительно шагнул назад, будто давая шанс себя остановить.

– Почему ты снова пришел? – выпалил Дарен первое, что пришло в голову.

Он не верил этому парню, как и не верил его друзьям, свите. Он вполне мог явиться по их поручению, чтобы разведать информацию или подготовить какую-то пакость. Но все же и он, и его «золотая» компания пугали Дарена меньше, чем перспектива снова ухнуть в пучину своей боли, которая спустя годы обрела лицо и форму.

– Хотел отдать тебе вещи, – пожал плечами спортсмен. В первый раз он пришел в футболке, но сейчас уже успел натянуть толстовку и теперь прятал ладони в глубоких карманах. – А то мы все кинули, как-то не очень вышло.

Уголок его губ дернулся в поддельной улыбке, которую

Дарен сразу раскусил.

– Врешь.

– Вру.

Они оба застыли в молчаливом ожидании. В другой день Дарен бы захлопнул дверь без лишних разговоров, но сегодня он цеплялся за любую возможность избежать одиночества.

– Как тебя зовут?

– Каспер Элон.

– И почему ты вернулся, Каспер? – новое имя звучало, как хруст надкушенного спелого яблока. – Только давай без вранья.

Каспер улыбнулся. На этот раз не натянуто и вымученно, а совершенно искренне. Но в этой тонкой улыбке сквозила горечь вины.

– Увидел тебя в окне, когда вышел на улицу. Мне показалось, что тебе нехорошо.

Дарен прикусил губу, вспомнив, как еще несколько минут назад рыдал над портретом матери, спрятавшись в закуток за шторой.

– Ты выглядел не особо счастливым, – озвучил смягченную правду Каспер и пожал плечами, не вынимая рук из карманов толстовки. Ему стоило бы сказать, что Дарен выглядел убитым. В этом жестком слове истины было бы куда больше.

– Ты тоже не сияешь от радости, – бросил Дарен из вредности.

Каспер выглядел обычно. Он не излучал теплой энергии счастья и жизнелюбия, но и раздавленным совершенно не казался. Это Дарен привык жить с ненавистью к себе, но Касперу, казалось, такое чувство чуждо.

Высокий, стройный. С яркими лазурными глазами, в которых плескался теплый океан. Со смуглой кожей, словно поцелованной загаром. Каспер выиграл генетическую лотерею и знал это. А еще у Элона было то, чего Дарен никогда не имел.

– Тебя друзья прислали меня найти? Тобиасу не терпится снова меня избить?

Каспер закатил глаза и шумно вздохнул:

– Я же сказал, свита тут ни при чем.

Дарен подозрительно сощурился:

– А что тогда при чем? Я понял, почему ты вернулся, но зачем ты меня нашел сначала? И как?

Это были всего лишь слова, но Дарену показалось, будто он только что с силой ударил Каспера в грудь. Улыбка уже не играла на его губах, взгляд поник, сильные плечи устало опустились. Дарен не мог знать, о чем думает Элон, но очень хотел его понять.

Каспер приблизился, встав ровно у порога, и это заставило Дарена приложить все усилия, чтобы не отшатнуться. Элон дернул лямку рюкзака, который Дарен все еще держал в руках, и проговорил, склонив голову набок:

– Я нашел твой блокнот, забыл? В нем были квитанции,

там и увидел адрес.

– Это ответ только на один вопрос: как? Ты проигнорировал другой. Зачем?

Голубые глаза удивленно округлились, а затем в них всего на секунду промелькнуло странное чувство, которое Дарен не успел распознать. То была печаль? Стыд? Сожаление?

– Я пришел вернуть вещи, которые ты потерял на парковке, – Каспер снова натянул поддельную улыбку, а Дарен вновь ее раскусил.

– Врешь.

– Вру.

Дурацкий разговор с тем, с кем не стоило бы его вести, позволил Дарену отвлечься. Он забыл о недавно пережитых ужасах нахлынувшего безумия и не сразу заметил, что руки перестали дрожать.

Он не должен был говорить с Каспером, зная, что тот – часть свиты. А значит, такой же испорченный, как Тобиас и все его шестерки. Просто умело притворяется. Невозможно быть хорошим человеком, когда добровольно окружил себя гнилью.

– Я просто хотел сказать, что никогда не стыдно обратиться за помощью, – привалившись к дверному косяку и отведя взгляд, выдал Каспер. – Вот и вся причина, по которой я пришел и по которой вернулся.

Дарен поймал себя на мысли, что хотел бы усмехнуться Элону в лицо и бросить парочку едких слов. У кого просить

помощи? У Каспера, что ли?! Ха!

Но он не смог выдавить ни звука, а тело оцепенело. Каспер говорит о защите от травли свиты? Или о чем-то более серьезном? Например, о том, что помощь Дарену, похоже, придется искать в стенах больниц и в горстках медикаментов, что залатают разум, давший трещину.

– Все. Теперь я точно пошел, – одними уголками губ улыбнулся Каспер и отлепился от дверного косяка.

Он выпрямился во весь свой немалый рост и заглянул Дарену в глаза, будто желая что-то сказать, но не находя в себе сил. Дарен знал, что сейчас смотрит на Элона точно так же.

Никто из них не решился заговорить. Каспер молча махнул на прощание рукой, отвернулся и зашагал по пустому безжизненному коридору.

– погоди! – Дарен не узнал свой надтреснутый голос, когда окликнул парня, что уже почти дошел до лестницы.

Каспер замер и удивленно обернулся. Даже издалека Дарен видел, как ожил взгляд голубых глаз.

– Помоги мне, – сломленно прошептал он.

Слишком тихо для расстояния, которое их разделяло. Но Каспер услышал. Ничего не говоря, он кивнул и вернулся. Дарен так же молча попятился с порога, беззвучно приглашая Элона войти.

Даже если Каспер предаст его, даже если он здесь ради свиты, даже если все происходящее – план Тобиаса... Дарен не готов снова остаться наедине со своими демонами.

– У меня с собой есть лапша быстрого приготовления, – скинув кроссовки, поделился Каспер. – Как раз несколько упаковок взял. Хочешь?

– Нет, – Дарен качнул головой и забрал из подъезда доску Элона, которую тот оставил за дверью. Хотя и Йоркер чуть ли не единственный жилец аварийного здания, лучше вещи так не бросать. Тут часто ошиваются подростки и бездомные. – Я, наверное, лягу спать.

От него не укрылось, как Каспер изумленно застыл на секунду. Похоже, уловил намек и понял немую просьбу. Дарен не хочет оставаться один даже на ночь, и ему плевать, кто составит ему компанию. Он согласен даже на шестерку свиты.

Чувствуя себя смущенно и неудобно, Дарен сел на диван с потрепанной зеленой обивкой и принялся наблюдать за Каспером. Элон замешкался, не зная, как себя вести. Заглянул в приоткрытую дверь ванной комнаты и удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям.

– Я буду спать в ванной. Ты не против?

– Нет, – прошелестел Дарен, хотя поведение и выбор Каспера его удивили.

Он не задавал вопросов, не надеялся избавиться от обузы, которой Дарен наверняка являлся. Не попросил уступить диван или постелить на полу. Каспер держал дистанцию, был готов терпеть неудобства, но бросать Дарена не собирался.

Это могло бы польстить, если бы не выглядело так подозрительно.

Это могло бы насторожить и напугать, если бы нутро уже не было выжжено страхом перед чем-то более серьезным, нежели компания гнилых «аристократов» студенческого общества.

Больше они не разговаривали и вели себя так, будто не замечают друг друга. Каспер заварил китайскую лапшу и ушел с ней в ванную. Судя по звукам, он играл в телефонную игру. И судя по вытянутым длинным ногам, которые виднелись в дверном проеме, Каспер уселся в ванну.

Дарен же лежал на диване и смотрел на ноги Каспера, которыми он качал в такт игровой музыке. Сон не шел, потому что стоило закрыть глаза, перед ними возникали пугающие образы: мертвые Елена и он сам.

В какой-то момент Дарен устал бороться сам с собой и сел, смяв в кулак ткань шорт. Присутствие Каспера помогало, но не было панацеей. Дарен отчетливо понял это, когда краем глаза в тени комнаты уловил какое-то движение.

Элена стояла в углу. Она смотрела на сына с безумной широкой улыбкой и нервно заламывала неестественно короткие руки. Все ее тело напоминало сморщенный изюм – маленькое, неправильное, словно принадлежащее вовсе не ей.

– Каспер, – позвал Дарен резко охрипшим голосом.

Он попытался встать с дивана, но ноги подкосились. Дарен упал, расшибив колени, но боли не почувствовал. Все заглушал холод, ползущий по венам.

– М?

Музыка стихла – Каспер поставил игру на паузу. Дарен собрал волю в кулак и поднялся. На негнувшихся ногах он прошел к открытой двери и замер в проходе.

Телефон был единственным источником света. Бледно-голубое сияние касалось лица Каспера, и Дарен прекрасно видел каждую эмоцию своего гостя. Он надеялся, что, когда Каспер вскинет глаза, в них отразится страх, ведь Элена стояла прямо за спиной своего сына. Но голубые глаза смотрели с удивительным спокойствием, от которого в груди все перевернулось. Паника завязалась вокруг груди тугим узлом, не давая вдохнуть.

Каспер не видит ее. Не видит Элену.

– Ты в порядке?

– Да, – слово больше походило на хрип. Тонкие дрожащие пальцы впились в дверной косяк. Дарен едва стоял, но не мог сказать правду.

Не мог признаться, что он сошел с ума.

– Врешь, – уверенно заметил Каспер и отложил телефон. Тот лег на поверхность ванны с глухим стуком. Голубой свет уперся в потолок.

– Вру, – признался Дарен, с горечью осознав, что в их игре в «правду или ложь» они с Каспером поменялись местами.

Ничего не говоря, Каспер передвинулся в ванной. Теперь он сидел не посередине, а под выключенным и отведенным в сторону краном. Ничего не говоря, Дарен с ногами забрался в ванну и по-турецки сел в противоположном, освободив-

шемся конце.

В ванной комнате пахло острой китайской лапшой, что стояла на тумбочке рядом со стаканом с единственной зубной щеткой, морозным дезодорантом Каспера и совсем слабо – хлоркой.

Свет телефона бликами гулял по кафелю и освещал только тесное помещение ванной комнаты. Дарен физически не мог видеть Элену, спрятавшуюся в тени, но она будто была соткана совсем из другой материи и выделялась на фоне мрака, как тусклая звезда на ночном холсте.

Дарен крепко зажмурился и откинулся на холодный бортик ванной. Затылок коснулся кафеля, ладони, сцепленные в замок, снова дрожали.

«Никогда не стыдно обратиться за помощью», – слова, сказанные Каспером, заклинанием повторялись в голове. Это продолжалось до тех пор, пока Дарен не решился – завтра же он отправится в больницу. И как только эта мысль ясно прозвучала в его сознании, оно отключилось. Дарен провалился в забвение без снов.

Глава 11

Этель

Звонок телефона прозвучал раньше, чем будильник. Номер не определился, а из динамика раздался незнакомый голос. Женщина представилась сотрудницей спортивного центра Фирбси и сообщила Этель, что с этого дня ее, как волонтера, переводят. Теперь вместо парка аттракционов она будет дежурить в спортивном комплексе. Чем такая перемена обоснована, собеседница не пояснила, но бодро заверила:

– Спортсменам часто нужна медицинская помощь! У нас практики вы получите даже больше, чем в «Жерле»!

Потом Этель дали координаты, которые она и так знала. В месте, куда ее перенаправили, плаванием занимался Каспер. Ей назначили новое время начала дежурства – меньше, чем через пару часов, и из трубки послышался сигнал завершения разговора.

Этель чувствовала что-то неладное, а потому из комнаты выплыла мрачной тучей. Сомнения укрепились, когда на кухне она встретилась с Рондой.

– У тебя же выходной сегодня, – хмуро напомнила Этель, пытаясь поймать взгляд сестры.

Та в кои-то веки кружилась у плиты, готовя завтрак. На кухне пахло подгоревшим луком, жареными яйцами и недо-

сказанностью.

– Решила проводить тебя на дежурство, – потыкав неготовый желток вилкой, поделилась Ронда. Она не оборачивалась на сестру, и Этель догадывалась, почему Ронда не хочет смотреть ей в глаза.

Даже в будни Ронда не вставала пораньше, чтобы что-то приготовить. Она перебивалась бутербродами или разогревала вчерашнюю еду. И уж тем более она никогда не готовила для Этель.

А тут прямо черед «случайностей»! И выходной, и готовка, и перевод...

– Ты меня пасешь, да? – догадалась Этель и воинственно скрестила руки на груди.

Щенок, который со вчерашнего дня поселился в их доме, вился под ногами. Это было умилительно и никак не вязалось с серьезным и грозным образом, который Этель старалась поддержать перед сестрой. Однако отогнать Бу (так питомца называла Ронда) Этель не могла и не хотела – уже прикипела к малышу.

– Ты о чем? – Плечи Ронды напряглись, но на сестру она не взглянула, что стало последним доказательством вины.

– Это ты, – догадалась Этель. Ладони сжались в кулаки, а ногти впились в кожу. – Ты подстроила мой перевод из парка.

Ронда, которая до этого что-то помешивала на сковородке, вдруг замерла. В комнате повисла тишина, нарушаемая

лишь твяканьем Бу и шипением раскаленного на сковородке масла.

– Все ясно, – горькая улыбка коснулась губ. – Ты меня не слышишь. Не хочешь давать свободу, о которой прошу. Контролируешь и оберегаешь от несуществующей угрозы. Может, сразу в бункер запрешь, а? Чтобы было легче следить!

– Запру, – пугающе спокойно отозвалась сестра и обернулась.

Ее светло-карие, как луговой мед, глаза смотрели жестко и холодно. Ни один мускул на лице не дрогнул, когда Ронда повторила:

– Запру, если это обеспечит твою безопасность. Я буду защищать тебя, даже если спасать придется от тебя самой.

* * *

Этель пыталась связаться с волонтерским штабом, чтобы чисто из вредности перевестись обратно в парк, но ничего не вышло. И как Ронде удалось все решить одним звонком? Интересно, ей потребовалось пригрозить связями в отделении полиции или в штабе с ее просьбой никто и не думал спорить?

В любом случае все решилось слишком быстро. Этель перекинули в спортивный центр, где открылась добровольческая вакансия, а на ее место в парке уже поставили другого волонтера. Пути теперь оставалось лишь два: продолжать

работать там, куда перенаправили, ради возможности поступить на бесплатные курсы или закатить скандал и встать в позу. Однако второй вариант не привел бы ни к чему: ни победы над Рондой, ни волонтерских часов. Только потерянные возможности, упущенное место и разбитые надежды попасть на курсы.

Скрепя сердце Этель пришлось следовать новым правилам игры. Всю оставшуюся неделю она провела в спортивном центре. Вопреки обещаниям, которые ей дали по телефону, практики здесь было ничуть не больше, чем в парке. Этель посадили в медицинский кабинет с врачом, который весь рабочий день занимался тем, что профессионально прохлаждался. Травм на неделе не было совсем, лишь однажды пришел боксер с разбитым носом. Этель дала ему ватные тампоны, и на этом ее работа закончилась.

Скучно и нудно. В парке было хотя бы живо и весело, вокруг всегда сновали толпы народу, слышалась музыка и веселый смех. В воздухе пахло сахарной ватой, попкорном и яблоками в карамели. Тут же пахло бинтами, потом и известкой, а единственным развлечением на долгой смене стал телевизор, который показывал только один канал с унылыми предсказуемыми сериалами.

Последней надеждой на веселье стали встречи с Каспером, но увидеться с другом удалось лишь единожды. Его тренировки обычно заканчивались позже, чем смены Этель, но в пятницу он освободился первым.

– Такова жертва ради знаний, – развел руками Каспер, когда Этель пожаловалась на скуку, которую ей своей выходкой обеспечила Ронда.

Они стояли на лестничном пролете и смотрели в высокое окно от пола до потолка. Оно выходило на стадион за центром. Сейчас там, бегая по зеленой траве за мячом, играли в футбол младшеклассники. Мальчишки звонко кричали, подбадривая друг друга, но и Каспер, и Этель глядели словно сквозь них.

Она уплетала свой обед – холодный хот-дог из автомата, а Каспер задумчиво смотрел на поле. Этель точно знала, что думает друг вовсе не об игре и за мячом не следит.

Каспер вообще в последнее время вел себя странно. Стал меньше болтать и шутить. Он часто смотрел в одну точку пустым взглядом, а потом тяжело вздыхал. Однако они все так же виделись почти каждый вечер, так же устраивали киноночи и объедались чипсами и попкорном. Но Этель всегда казалось, что ее друга будто подменили. И она была уверена – он касательно нее ощущает то же самое.

– У тебя когда-нибудь были галлюцинации? – не глядя на Каспера, спросила Этель.

Она ожидала, что друг прыснет от странного, совершенно внезапного вопроса, но Каспер молчал. Похоже, всерьез задумался над ответом, а Этель – над тем, что заставило ее спросить.

Жуткое воспоминание о видении, с которым она столкну-

лась в парке, удавалось игнорировать. Этель умело затолкала неприятные картинки огромных, ползающих по незнакомцу жуков подальше, в самые темные уголки сознания. «Тебе просто показалось», – она приказала себе повторять эту мысль, и та стала замком, что сдерживал страшные воспоминания.

Но Этель все же хотелось верить, что она в своих чувствах не одинока. Галлюцинации – не всегда признак душевных болезней? Так ведь?

– Однажды на школьных соревнованиях я прыгнул в воду раньше свистка, потому что он мне почудился. Считается?

Этель кивнула. Звуковые галлюцинации – не то же самое, что и зрительные. Но тем не менее откровение Каспера ее немного успокоило.

– А почему спрашиваешь?

– Просто...

Сначала Этель хотела промолчать, но в последний момент передумала и призналась:

– Просто я кое-что видела. Это напугало меня... Но такое было лишь единожды. Да и на улице жара ужасная стояла, а я без кепки. Поэтому и решила, что *такое* иногда бывает даже со здоровыми людьми.

– Бывает, – глухо повторил Каспер. Его взгляд затуманился, и Этель поняла, что он снова задумался о чем-то своем.

Хорошо зная Каспера, Этель не задавала лишних вопросов. Понимала, что это бесполезно. Если Каспер захочет –

поделиться сам. Но пока он не спешил признаваться в том, что его гложет, и часто уходил гулять один.

Этель беспокоилась за него. Чувство бесполезности тяготило: она должна помочь другу. Но как? Она и раньше видела Каспера сломленным, как тогда, в бассейне. Но в этот раз все ощущалось совсем иначе, хоть Этель и не понимала почему.

– Завтра вечеринка у Тобиаса, – Каспер со скучающим видом смотрел на экран своего телефона.

Этель ничего не ответила, и тогда парень повернул смартфон в ее сторону, чтобы показать открытый чат свиты.

– Помню, – отмахнулась Этель и сморщила нос. – Просто не хочу видаться с твоими «друзьями».

«Я хочу увидеть Ви», – внезапно проскользнуло в голове, и Этель накрыло невозможной тоской.

Ви. Тот странный парень из парка, который сказал, что будет ждать ее в субботу вечером у старого театра. *Если она его не забудет.*

Разумеется, Этель не забыла. Она считала минуты до субботы и представляла их новую встречу. Это заставляло стыдиться саму себя. Этель обзывала себя наивной дурочкой, но ничего не могла поделать и все равно продолжала скучать по Ви.

Ощущения чего-то общего между ними не исчезло. После полученного приглашения оно, наоборот, усилилось, а в душе затеплилась надежда – Ви тоже почувствовал эту связь

между ними.

– Ты говорила, что не пойдешь на тусовку из-за волонтерства, но завтра ты не дежуришь, – Каспер с надеждой посмотрел на подругу.

Она не смогла выдержать этот жалобный взгляд и опустила глаза к хот-догу. Этель хотела бы поддержать Каспера и понимала, что он нуждается в этом. Нуждается в ней.

– Я с радостью, – выдавила улыбку она.

... но сама Этель остро желала совсем другого.

– С радостью бы пошла, – поправилась она, чувствуя, как щеки вспыхнули жаром стыда, – но Ронда попросила помочь с покупками для щенка. Бу. Помнишь, я рассказывала о нем?

Несколько безумно долгих секунд Каспер внимательно смотрел на подругу. Этель казалось, он видит ее насквозь, а потому все ее жалкие попытки солгать раскроются. Но Каспер лишь пожал плечами:

– А, ну да. Помню. Прости, ты, наверное, говорила, что пойдешь с Рондой...

«Я не говорила. Я вообще никуда не иду с ней», – должна была признаться Этель, но вместо этого снова соврала:

– Надеюсь, это поможет нам помириться.

Каспер кивнул, а Этель ощутила болезненный укол совести. Он не заметил ложь или только притворился? И какой из этих вариантов хуже?

– Если вдруг передумаешь или освободишься пораньше, напиши. Я буду тебя ждать.

– В свите меня все еще считают твоей девушкой?

– Это не так важно. Важно, что я считаю тебя своим другом. Без тебя будет не так весело.

Они улыбнулись друг другу. Оба – одними уголками губ.

Обеденный перерыв Этель уже давно кончился, но это не имело значения. Какой смысл торчать в медкабинете, если ничего все равно не происходит? Однако здесь, на лестничной площадке, воздух слишком напитался враньем. Дышать стало сложно.

Этель встала на цыпочки и дружески потрепала темные волосы Каспера. Он в ответ пощекотал подругу, и та едва не поперхнулась остатками хот-дога, которые как раз жевала. Лживо пообещав постараться прийти на вечеринку, Этель взбежала вверх по лестнице. Каспер направился вниз.

Уже поднявшись в кабинет, Этель выглянула в окно и проводила Каспера, идущего по парковке, тоскливым взглядом. Он же, не подозревая о том, что за ним наблюдают, встал на скейт и направился в противоположную от своего дома сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.